

ДЕТЕКТИВ
ПО РЕАЛЬНЫМ СОБЫТИЯМ

СДЕЛКА

ОБРЕЧЕННЫХ

ЭТО УБИЙСТВО
решило судьбу
целого народа...

ДАВИД КОН

Давид Кон
Сделка обреченных
Серия «Загадочная история.
Детектив по реальным событиям»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65952582

Сделка обреченных: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-156621-0

Аннотация

На основе реальных событий.

1935 год. Гитлер готовит расправу над евреями, живущими в Германии. Чтобы избежать надвигающейся опасности, еврейское агентство решает откупиться от нацистских властей. Собранную сумму в обмен на договор о свободном выезде из страны решено тайно передать немцам в купе поезда «Париж – Стамбул» во время его прохождения по территории Рейха. Все шло по плану, пока в дело не вмешалась третья сторона. Ситуация окончательно обострилась, когда в условленном месте вместо долгожданного договора из секретного вагона вынесли тело одного из участников операции...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	22
3	30
4	43
5	54
6	64
7	75
8	81
9	83
10	90
11	95
12	106
13	113
14	118
15	124
16	127
17	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Давид Кон

Сделка обреченных

© Кон Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

1

Включилось табло с нарисованным привязным ремнем, и приятный голос сообщил, что самолет начал снижение, чтобы через полчаса совершить посадку в аэропорту Тель-Авива, который встретит пассажиров ясной погодой и температурой в двадцать семь градусов по шкале Цельсия.

«Почему совершит посадку? – мысленно возмутилась Лиза, затягивая на талии привязной ремень. – Откуда такая уверенность? Неужели они не боятся сглаза? Ведь можно выражаться осторожнее. “Собирается совершить посадку” или “Должен совершить посадку”. Так нет же... “Совершит”. А если нет?» Она вздохнула, плотно прижалась спиной к спинке кресла и закрыла глаза. Скорость лайнера заметно снизилась, но моторы гудели ровно, и летящая махина явно не собиралась сваливаться в штопор, чего каждый раз при посадке боялась Лиза. Она открыла глаза и покосилась в иллюминатор. Крылья самолета подрагивали, но никакой критической ситуации пока не наблюдалось. Лиза собралась с духом и наклонилась к стеклу. Под ней плавно плыло зеленое море с точками катеров и яхт, уходящих от берега. За ними тянулись белые пенящиеся ниточки, тонущие в зелени волн.

От ощущения высоты и пропасти под ногами у нее захватило дух. Лиза отпрянула от иллюминатора и проверила обстановку в салоне. Все нормально. Моторы гудят по-прежнему ровно, пассажиры тихо беседуют о делах, которыми они намерены заняться после посадки. «Со страхом надо бороться. Ему нельзя уступать. Ему нельзя поддаваться. Его надо преодолевать», – вспомнила Лиза указания доктора Вернье и вновь повернулась к иллюминатору. Самолет уже летел над городом. Под крылом неторопливо проплывали дома, зеленые пятна парков и дороги, забитые даже в этот ранний час автомобилями.

– Вот и Земля обетованная! – услышала Лиза. Обернулась к соседке и заставила себя улыбнуться.

Эта соседка, элегантная дама в белоснежном костюме и нежно-голубом батнике, скрасила Лизе пятичасовой перелет из Парижа и заставила хоть на короткие мгновения забыть, что они находятся в такой опасной для жизни штуке, как самолет. Перед взлетом соседка небрежно листала извлеченный из сумки свежий номер «Космополитена» и коротко кивнула в ответ на приветствие Лизы. Потом соседка с удивлением наблюдала, как Лиза тщательно подгоняет на талии привязной ремень и внимательно следит за каждым движением стюардессы, объясняющей правила пользования спасательным жилетом.

Но стоило Лизе повернуться к ней в фас, как насмешливый взгляд соседки сменился заинтересованным.

– Простите, вы ведь...

Она замялась, явно рассчитывая, что Лиза придет к ней на помощь. Но Лиза молчала, не желая попадать в неловкую ситуацию. Она не привыкла, что ее узнают. Ни на улице, ни в кафе, ни уж тем более в салоне самолета. Может быть, эта элегантная дама просто ошиблась.

– Вы модельер. – Соседка энергично тряхнула головой и помедлила, вспоминая фамилию Лизы. Это ей явно не удалось, но она продолжила: – Вы участвовали в показе Young fashion designers в Лондоне в декабре прошлого года.

Ситуация прояснилась, и Лиза решила помочь соседке.

– Я действительно участвовала в том показе. – Она протянула руку и представилась: – Лиза Вальдман.

– Точно! – Соседка энергично тряхнула ее руку и затараторила: – Как я могла забыть вашу фамилию?! Ведь именно вы были лучше всех. Я сказала тогда себе: «Ирэна, запомни эту красотку. Она скоро заткнет за пояс всех этих мэтров. И Рабана, и Готье, и, страшно сказать, самого большого Пьера». А ваш оранжевый комбинезон! Я им просто заболела. – Не выпуская руки Лизы, соседка закатила глаза и представилась: – Ирэна Грей. Я была на том показе по долгу службы.

Она открыла лежащую у нее на коленях белоснежную сумку с элегантными золотыми замочками. Опытным взглядом Лиза определила: модель Linda от Нэнси Гонзалес. Судя по качеству швов, явно не подделка. Соседка извлекала из сумки увесистый бумажник, а из него визитную карточку.

«Ирэна Грей. Телекомпания Квебек-TV, Монреаль, Канада. Главный режиссер», – прочла Лиза и подняла на соседку уважительный взгляд.

– Мы делали репортаж с того показа, – продолжила тараторить соседка. – И брали у вас интервью. Помните, черноволосый молодой человек. Это наш обозреватель по вопросам моды...

Лиза не помнила ни интервью, ни черноволосого молодого человека. Она пожала плечами и виновато улыбнулась.

– Простите. Это был мой первый большой показ, и я мало что помню. Все было как в тумане. Я помню, меня поздравлял сам Ральф Лорен, но не помню ни слова из того, что он сказал.

– Я понимаю вас. – Ирэна Грэй наконец выпустила руку Лизы. – Первый показ. Такое волнительное событие. А теперь вы летите на Oriental fashion в Иерусалим?

В голосе соседки звучало явное торжество. Они летят на одно и то же мероприятие. Значит, будет возможность познакомиться ближе.

– Нет, нет, – заторопилась Лиза, вновь чувствуя себя виноватой. – Я лечу в Израиль по совершенно другим делам. – Соседка не сводила с нее глаз, и Лиза поспешила добавить: – По личным.

Соседка разочарованно откинулась на спинку кресла и наконец выполнила настойчивое указание стюардессы пристегнуть ремень.

– Вы впервые летите в Израиль?

Лиза задумалась. Ее лицо приобрело то растерянно-удивленное выражение, которое появляется у взрослого человека, не знающего ответа на простой вопрос.

– Формально нет. Я была там шестнадцать лет назад. С родителями. Мне тогда исполнилось двенадцать. Родители решили сделать мне подарок – путешествие в Израиль. Мы ездили по стране. Но я почти ничего не помню. Какие-то картинки. Старые дома. Какая-то большая синагога. И в ней много мужчин. Они все в белом. Стоят, опустив головы в полной тишине, и что-то бормочут. А вот ни Тель-Авива, ни Хайфы почти не помню.

– И сейчас, шестнадцать лет спустя, вы решили восполнить этот пробел? – понимающе кивнула соседка. – Но уже без родителей.

Самолет тряхнуло, на мгновение погас и тут же зажегся свет. Лиза напряглась и ощутила, как дрогнул подбородок. То ли от воспоминаний, то ли от этой ужасной тряски небесной машины.

– Мои родители погибли, – шепнула она, взглянула в глаза соседке и пожала плечами, словно говоря: «Ничего не поделаешь». – Автокатастрофа. На трассе около Бордо.

– Простите, – смутилась соседка и положила ладонь на руку Лизы. – Мне очень неловко...

– Ничего! – Лиза, ощущая, что они уже находятся не на земле, заставила себя улыбнуться. – А что касается воспол-

нения пробела, то, боюсь, мне будет не до экскурсий.

– Личные дела! – понимающе кивнула соседка. – Надеюсь, приятные.

– Вполне, – кивнула Лиза, не желая вдаваться в подробности.

В течение всего полета соседка пыталась оказать Лизе мелкие знаки внимания. Подавала поднос с едой от стюардессы, помогала повернуть в правильную сторону хоботок кондиционера. Взамен Лизе пришлось давать консультации по современным тенденциям в моде. По просьбе соседки она рассказывала о правилах ношения спортивных курток и о выборе ботильонов на тонкие щиколотки, советовала, как с помощью кушака зрительно уменьшить объем талии, и доказывала, что мужчина, согласно современным тенденциям, вполне может носить джинсы с классическим пиджаком и выглядеть при этом элегантно. Периодически Лиза вспоминала о важнейшем деле в любом полете – проверке звука работы двигателей. Она прислушивалась, пытаясь определить, нет ли в ровном гудении моторов каких-либо перебоев. Но назойливая соседка упорно возвращала ее к мыслям о коллекциях, выставках, подиумах и трендах.

Лиза не считала себя трусихой и не была таковой. Скорее наоборот. Поставщики материи и швеи считали ее весьма жесткой, а некоторые капризные манекенщицы даже грубоватой. Но полет на высоте десяти тысяч метров над землей лишал Лизу способности мыслить рационально, захватывал

дух и доводил до сумасшествия. «Как можно не бояться, если моя жизнь зависит не от меня, а от тысяч деталей, от всех этих винтиков, трубочек, проводков и контактов. От людей, собиравших самолет и способных ошибиться, от заправщиков, которые могли залить в баки не то горючее, от техников, которые могли не заметить какую-то трещинку. Если я веду машину, я самостоятельно принимаю решения. Я могу снизить скорость и отказаться от обгона, могу затормозить на обочине, если понимаю, что мотор барахлит», – говорила она приятельницам, доказывающим, что поездка в автомобиле является гораздо более опасным предприятием, чем полет. Приятельницы смотрели снисходительно, и Лиза понимала, о чем они думают. С ее профессией без полетов ей не прожить. Она и не думала их избегать, ожидая, когда сбудутся предсказания о том, что со временем она привыкнет к самолетам и перестанет так остро реагировать на воздушные путешествия. Но полеты множились, а привычка все не приходила, и каждое путешествие сопровождалось нервным напряжением, которое приходило за сутки до полета и покидало ее через несколько часов после приземления.

Только перед самой посадкой, когда стюардессы собрали в специальные пакеты использованные стаканы и подносы, соседка, возможно, почувствовав настроение Лизы, откинулась на спинку кресла и взялась за свой «Космополитен».

В принципе, Лиза была ей благодарна. За беседами о юбках, аксессуарах и накидках обычно тянувшееся время поле-

та пролетело незаметно.

Лиза покосилась в иллюминатор. Огромная машина уже неслась над бетонной полосой, огражденной с двух сторон желтыми фонарями. Еще мгновение, и шасси коснулись бетона. В салоне раздались аплодисменты. Лиза с облегчением отстегнула ремень, не дожидаясь команды. «После того, как самолет садится, я становлюсь на редкость смелой», – улыбнулась она своим мыслям.

Ирэна сложила журнал и аккуратно уложила в свою коллекционную сумку.

– Если все-таки выкроите время и решите попутешествовать, позвоните. С удовольствием составлю вам компанию.

– Конечно! Это было бы прекрасно. Но...

Лиза вздохнула. Ирэна понимающе кивнула. Самолет замер у здания аэропорта. В салоне сразу стало шумно и тесно. Пассажиры метнулись к верхним полкам, срывая с них сумки и яркие пакеты с клеймом парижских магазинов беспошлинной торговли.

* * *

Лиза погрузила свой небольшой чемодан на металлическую тележку и покатила ее в сторону таможни. Конечно, попутешествовать было бы совсем неплохо. И эта разговорчивая телевизионная дива совсем не дурная компания. Но сейчас ей об этом нечего и думать.

Если бы не странный звонок, заставший ее врасплох вчера днем, она ни за что не уехала бы из Парижа. Во всяком случае, в эти дни. На носу неделя высокой моды Paris Fashion Week. Ее коллекция будет демонстрироваться в главном зале, сразу после коллекции Миуччи Прада. О таком любой модельер может только мечтать. А она, вместо напряженной подготовки к показу, вдруг летит в Израиль, оставляя своих художников, свои модели и своих продюсеров в полной уверенности, что напряжение последних недель свело Лизу Вальдман с ума. Но поступить по-другому она не могла.

Звонок от Авраама Ашинзона раздался в ту самую минуту, когда она вернулась из пошивочного цеха, где пыталась доказать швеям, что, если они не увеличат темпы, модели будут готовы не раньше будущей зимы.

– Доброе утро, мадемуазель Вальдман, – услышала она в трубке скрипучий старческий голос. Будто кто-то нахло всем окружающим открывал и закрывал давно не смазывавшиеся ворота. – С вами говорит Авраам Ашинзон из Иерусалима.

– Из Иерусалима? – переспросила она, подняла глаза на вошедшего в кабинет главного художника компании Жюля Перно, кивнула ему на кресло возле стола и ответила: – Здравствуйте!

– Я позволил себе побеспокоить вас, мадемуазель Вальдман, – продолжали скрипеть иерусалимские ворота, – потому что у меня к вам важное дело. Чрезвычайно важное.

– Простите, господин... – Лиза замялась, так как не за-

помнила фамилию собеседника. – Но не ошибаетесь ли вы? Важное дело ко мне?

– К вам, Лиза Вальдман, к вам.

– Но мы с вами не знакомы...

– Это неудивительно. – Ашинзон продолжал скрипеть в темпе движения уже отобедавшей улитки и, казалось, не замечал раздражения собеседницы. – Последние сорок лет я живу в Иерусалиме, так что мы никогда не встречались. Рассказать обо мне вам могла разве что ваша тетя Вардена.

– Тетя Вардена? – Лизе казалось, что сейчас она сойдет с ума от этого медленного и совершенно бессмысленного скрипа. Она сделала Жюлю страшные глаза, пожала плечами, дескать, семейные проблемы, ничего не поделаешь, и жестом предложила показать ей последние изменения в силуэтах.

– Тетя Вардена, – подтвердил иерусалимский собеседник. – Но, во-первых, она человек неразговорчивый, а во-вторых, вряд ли вас заинтересовал бы ее рассказ об Аврааме Ашинзоне.

Лиза чуть не выпалила: «Да уж», но сдержалась, твердо решив в ближайшую минуту выяснить, чего хочет от нее этот человек, который может себе позволить в сегодняшнем безумном мире никуда не торопиться.

– Простите, – сказала она, – чем я могу быть вам полезна?

– Лиза, вы должны прилететь ко мне, – ответил Ашинзон. Скрипучие ворота, по Лизиним ощущениям, на этот раз от-

крывались особенно долго.

– Прилететь к вам? – Лизу поразила нелепость этого предложения, и она заговорила резко: – Куда это к вам?

– Я же сказал, – проскрипел Ашинзон, – что последние сорок лет живу в Иерусалиме.

– И вы хотите, чтобы я прилетела к вам в Иерусалим? – переспросила Лиза, чеканя каждое слово и наблюдая, как по мере приближения к концу фразы вытягивается лицо Жюля Перно.

– Да, – спокойно ответил Ашинзон. – Причем как можно скорее. Сегодня. В крайнем случае, завтра.

– Вы это серьезно? – Бесцеремонность неизвестного жителя Иерусалима не на шутку разозлила Лизу. Она поняла, что пришло время отбросить приличия и объяснить господину по ту сторону провода всю нелепость притязаний на ее свободное время, вернее, полное отсутствие такового.

– Вполне, – проскрипел Ашинзон. – Вполне серьезно. А чтобы вы не сомневались в необходимости откликнуться на мое приглашение, я скажу вам, что был ближайшим другом и помощником вашего дедушки Жана.

– Дедушки Жана? – упавшим голосом повторила Лиза, понимая, что ее разъяснения по поводу нелепости звонка и приглашения в Иерусалим откладываются на неопределенное время.

– Дедушки Жана, – подтвердил Ашинзон. – И я должен сообщить вам информацию, которую когда-то собирался со-

общить вашему отцу, но не успел из-за его трагической гибели. Эта информация, которую я не могу доверить ни телефону, ни почте. Она касается тайны смерти вашего деда.

– Тайны? – удивилась Лиза. – О какой тайне вы говорите? Отец рассказал мне все о гибели дедушки Жана. В апреле тридцать пятого года он проезжал на поезде по территории Германии, и его арестовало гестапо. Больше о нем ничего не удалось узнать. Отец считал, что деда расстреляли сразу после ареста. Ни в одном из лагерей смерти мы не обнаружили его следов.

– Вашего деда не арестовывало гестапо, – скрипнул Ашинзон. – И это все, что я могу сказать по телефону. Лиза, завтра суббота. Я не могу просить вас лететь в этот святой день. Но в ночь с субботы на воскресенье из Парижа в Тель-Авив есть рейс. Если бы вы прилетели этим рейсом, а улетели вечером в воскресенье, вы не потеряли бы ни одного рабочего дня.

– Да, конечно, – пробормотала Лиза, машинально просматривая эскизы Перно и пытаясь сообразить, стоит ли доверять словам этого странного человека. – Просто у меня на носу показ коллекции. Сейчас мне не до выходных. Вот если бы недели через три... Я могла бы прилететь на несколько дней. Может быть, ваша информация подождет?

– Информация подождет, – вздохнул Ашинзон, помолчал и добавил: – Я не могу ждать.

– Вы? – В голосе Лизы невольно прозвучала насмешка. –

Почему?

– Потому что я могу умереть в любую минуту, – ровным, ничего не выражающим голосом ответил Ашинзон. – Например, прямо сейчас, беседуя с вами. Или через час. А возможно, завтра утром. Я не боюсь смерти. За долгие месяцы моей болезни я смирился с уходом. К тому же мне 92 года, и я вполне могу подвести итог. И только тайна гибели вашего деда не дает мне спокойно уйти в могилу. Эта информация не должна умереть вместе со мной. И потому я вынужден вас поторопить.

Лиза молчала. Перно не сводил с нее напряженного взгляда, не понимая, что происходит.

– Лиза! – не выдержал Ашинзон. – Если вы считаете меня выжившим из ума маразматиком, наведите обо мне справки у тети Вардены. А потом примите решение. Просто знайте: ночной рейс вылетает из Парижа без четверти час и приземляется в Тель-Авиве в половине шестого утра. Мой водитель будет его встречать. Мне будет жаль, если вы не прилетите.

Лиза хотела сказать, что ей тоже будет жаль. Очень жаль. Но сейчас, когда до показа осталось всего... Нет, это невозможно. Она же ничего не успеет. Последние изменения. Два комплекта надо просто переделывать. Ее широкие юбки никуда не годятся. Лиза покосилась на эскизы Перно. А этот человек... Как его? Авраам Ашинзон. Похоже, он не в своем уме. От человека в таком возрасте нельзя требовать полной ясности мышления. И эта тайна, о которой он говорит, ед-

ва переводя дух, вполне может оказаться полной ерундой. А она потеряет день. Целый день, которого ей не хватит потом.

– Лиза! – еле слышно проскрипела трубка. Лизе показалось, что в этом скрипе прозвучал упрек. Неужели он все понял по ее молчанию, этот старичок из Иерусалима?

– Хорошо, – неожиданно для самой себя сказала Лиза. – Я прилечу.

Она положила трубку и подняла глаза на Перно. Художник смотрел на нее так, словно у нее над головой появилось чудесное сияние.

– Ты собираешься улететь? – спросил он тоном психиатра, убеждающего сложного пациента не выбрасываться из окна клиники. – Сейчас? Перед показом? Когда у нас еще нет утвержденных эскизов?

Лиза медленно разложила на столе рисунки. Жюль прав. Это абсолютное сумасшествие. Бросать все и мчаться в Иерусалим к неизвестному старику со скрипучим голосом. Но дедушка Жан... Он погиб за сорок два года до ее рождения, и о нем Лизе рассказывали отец и тетя Вардена. В детстве Лиза любила рассматривать большой альбом тетки в темно-коричневом бархатном переплете. К жестким страницам альбома были приклеены пожелтевшие фотографии. На фотографиях дедушка Жан выглядел стройным человеком высокого роста. Он был одет то в официальный фрак, то в светлый смокинг, то в домашний халат. Дед фотографировался с бабушкой Лизы, фотографировался со всей семьей,

отдельно с детьми – тетей Варденой и отцом Лизы на руках. Были в альбоме фотографии, на которых Лиза могла узнать только деда. «Это его друзья и сослуживцы, – говорила тетя Вардена и неизменно добавляла: – Он был большим человеком, Лиза. Вот видишь, рядом с ним Давид Бен-Гурион. Он держит твоего деда под руку. Совсем молодой! Бен-Гурион очень любил твоего деда». Лиза с уважением смотрела на невысокого короткостриженного человека с густыми бровями и думала о том, что когда-нибудь и эта фотография поблекнет и у ее внуков не будет даже этой памяти о Жане Вальдмане. Повзрослев, Лиза слушала рассказы отца, занимавшегося поиском следов дедушки Жана. На все запросы в Берлин отец неизменно получал вежливый ответ: «Имя Жана Вальдмана в списках арестованных или расстрелянных службами безопасности Третьего рейха не значится». Отец читал эти официальные бумаги, и глаза его становились грустными. «Ничего, Лизонька, – говорил он и прижимал к себе голову девочки. – Мы найдем его. И когда-нибудь положим цветы на его могилу».

Лиза еще раз переложила эскизы на столе.

– Я вернусь в воскресенье вечером, – сказала она, стараясь говорить как можно более спокойно. – В конце концов, нам всем надо развеяться. Завтра утром мы утвердим эскизы, дадим задание швеям и устроим себе маленький отдых. Всего на сутки. – Лиза подняла глаза на Перно и добавила: – Мы все успеем, Жюль. Я тебе обещаю.

Перно нашел в себе силы промолчать. Молча кивнул и втянул голову в плечи так, что сразу стал похож на диковинную хищную птицу.

...Миновав таможню, Лиза вышла в зал и поморщилась от яркого света. Сотни встречающих высматривали в толпе пассажиров своих близких, а высмотрев, отчаянно махали им руками и букетами. Лиза пошла сквозь толпу, толкая перед собой тележку. Настроение после полета почему-то было скверное, Лиза даже жалела, что согласилась на поездку. Как сказал Жюль Перно, «поддалась на эту авантюру».

Плакатик «Лиза Вальдман» она увидела сразу, как только выбралась из толпы. Высокий молодой человек в жилете защитного цвета с десятком карманов держал плакатик над головой, скользя по лицам людей равнодушным взглядом. Лиза дотолкала тележку до носков его светло-коричневых ботинок, и только тогда он наконец остановил на ней взгляд.

– Я Лиза Вальдман, – сказала Лиза.

Молодой человек искренне и широко улыбнулся, ловко отправил свой плакатик в урну и протянул руку.

– Здравствуйте! Меня зовут Даниэль.

Лиза пожала узкую жесткую ладонь.

– Пойдемте скорее. – Парень ухватился за ручку тележки и решительно ее толкнул. – Может, успеем добраться до пробок. – Он покосился на часы и покачал головой. – Хотя теперь уже вряд ли.

Лиза виновато развела руками, словно извиняясь, что са-

молет прилетел в столь неудачное время. Даниэль ловко катил тележку сквозь толпу, не забывая поглядывать через плечо на Лизу.

– Как долетели? – спросил он, видимо вспомнив о полученном указании быть с гостьей полюбезнее.

– Прекрасно, – нетерпеливо буркнула Лиза. – Как себя чувствует господин Ашинзон?

Не сбавляя хода, молодой человек покрутил в воздухе ладонью, что, вероятно, могло означать «более-менее», и затолкал тележку в просторный лифт.

– Мой самолет в Париж вылетает в девять вечера, – напомнила Лиза.

– Я знаю. Нам надо быть в аэропорту в начале седьмого. У вас совсем мало времени.

Даниэль уверенно вел тележку по парковке, ловко лавируя между машинами. Наконец он остановился у новенькой «БМВ» темно-синего цвета.

– Садитесь! – пригласил Даниэль и потащил чемодан к багажнику.

Авраам Ашинзон оказался вовсе не полуразвалившимся существом с трясущимися руками и слезящимися глазами, каким его представляла себе Лиза. И передвигался он не в коляске, а ходил сам, правда, ставил ноги очень осторожно, словно опасался наступить на что-то скользкое или горячее. Ашинзон встретил Лизу во дворе большого двухэтажного дома, распахнул дверь автомобиля и галантно подал ей руку. Лиза выбралась на твердую почву и с удивлением обнаружила, что при своих ста семидесяти сантиметрах она ниже старичка примерно на голову. И его голос был вовсе не таким скрипучим, как ей показалось по телефону.

– Прошу вас, Лиза, – проговорил Ашинзон и строго взглянул на выбравшегося из машины Даниэля. – Отнеси чемодан мадемуазель Вальдман в ее комнату.

Лиза вошла в дом и с удовольствием втянула носом воздух. В доме уютно пахло ванилью и какой-то болотной травой. «Опьяняющий аромат, – подумала Лиза. – Если в гостиной еще и зеленые занавеси, то ощущение леса будет полным».

Занавеси оказались не зелеными, а ярко-желтыми. Но эта яркость не мешала, а удивительно сочеталась со старинной тяжелой мебелью красного дерева. Ашинзон усадил Лизу в огромное кресло. Сам сел напротив. По бисеринкам пота,

выступившим у него на лбу, Лиза поняла, каким трудом далось ему передвижение по дому. Несколько секунд старик молчал, то ли переводя дыхание, то ли пытаясь справиться с приступом боли. Наконец он поднял голову и сказал:

– Сейчас я познакомлю вас с Рахель.

Ашинзон достал из кармана небольшой пульт и нажал кнопку, вмонтированную в его гладкую белую крышку. Через несколько секунд дверь приоткрылась и в комнату вошла высокая женщина в белом переднике и строгом синем платье.

– Рахель, познакомься с госпожой Лизой Вальдман. И покажи ей ее комнату.

Женщина улыбнулась Лизе тонкими губами, церемонно склонила голову и жестом предложила следовать за ней.

– Я буду ждать вас в гостиной через тридцать минут, Лиза, – вслед им сказал Ашинзон.

Лиза кивнула и пошла вверх по лестнице вслед за Рахелью.

* * *

Комната Лизе понравилась. Просторная, светлая, с балконом, выходящим на Старый город. Стены комнаты были выкрашены в светло-салатовый цвет. «Красота!» – восхитилась Лиза, глядя из окна на дома из одинакового белого камня, на древнюю стену и золотой купол, возвышающийся над ней.

Она открыла чемодан, достала банный халат, тапочки, пакет с туалетными принадлежностями. Расстегнула платье, и оно упало с плеч на яркий ковер, в котором преобладали разные оттенки зеленого. По пути в ванную Лиза остановилась перед зеркалом. «Хороша! – подумала она и подмигнула своему отражению. – Длинные ноги, красивые бедра, узкая талия. Недаром эта дама в самолете назвала ее «красоткой». А как прекрасно смотрятся рыжие волосы на фоне зеленой стены. Это сочетание цветов стоит использовать в коллекции».

Мысль о коллекции успокоила. «Все в порядке, – подумала Лиза. – Если даже здесь я не забываю о делах, значит, в Париже все будет хорошо. А как-то все сложится в Иерусалиме?!»

Лиза накинула на плечи халат, вынула заколку, и длинные волосы рассыпались по плечам. Как-то все сложится в Иерусалиме? О чем расскажет ей Ашинзон? Лиза с удивлением поняла, что сейчас это ее почти не волнует. Даже если Авраам Ашинзон болен всеми старческими недугами, вместе взятыми, включая склероз и болезнь Альцгеймера, завтра утром она будет дома. И все потечет как прежде.

У двери в ванную Лиза остановилась. Какое-то странное чувство вдруг подсказало ей, что все уже не потечет как прежде. Но Лиза решила об этом не думать. Она потянула бронзовую ручку в форме человеческой ладони и вошла в ванную.

Когда Лиза спустилась в гостиную, Авраам Ашинзон по-прежнему сидел в кресле, но на столике перед ним стоял поднос с фруктами и графин со светло-желтой жидкостью, в которой плавали какие-то травинки и кубики льда.

– Выпьете лимонаду? – Ашинзон открыл глаза и протянул руку к графину. Рука подрагивала, и Лизе вдруг показалось, что со стариком сейчас произойдет что-то страшное и он не успеет рассказать ей то, ради чего она оторвалась от своей коллекции и проделала долгий путь из Европы в Азию.

Ашинзон словно прочел ее мысли.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Я в полной форме.

Он дотянулся до графина, разлил лимонад по бокалам и откинулся на спинку кресла.

– Благодарю вас, Лиза, за то, что приехали, – сказал Ашинзон. – И позвольте приступить сразу к делу.

– Конечно! – Лиза с облегчением кивнула.

– Вы знаете, кем был ваш дедушка Жан? – спросил Ашинзон, раскрывая альбом с фотографиями, лежащий на низком столике около кресла.

Альбом был очень похож на альбом тети Вардены, только обложка была не темно-коричневой, а ярко-синей.

– Видите ли... – Лиза замялась.

– Авраам, – пришел ей на выручку Ашинзон. – Вы можете

называть меня Авраамом.

– Видите ли, Авраам, – Лиза пожала плечами, – мне было всего шестнадцать, когда погибли мои родители. Отец часто рассказывал мне о дедушке Жане. Но я не уверена, что в те годы папа рассматривал меня как взрослого серьезного человека. Я знаю только то, о чем сказала вам по телефону.

– Жан Вальдман был первым секретарем европейского отдела Всемирного еврейского агентства, – проговорил Ашинзон настолько торжественно, будто приглашал первого секретаря европейского отдела на трибуну митинга. – В начале тридцать четвертого года стало понятно, что над евреями Германии нависла смертельная угроза. Над всей общиной. Над богатыми и бедными, над сторонниками коммунистов и приверженцами национал-социализма, над религиозными и светскими. Евреи это понимали и пытались покинуть Германию. Но нацисты препятствовали их отъезду. Негласно. Не давали продавать имущество, запугивали. А тех, кто все-таки решался на отъезд, начали отправлять в концентрационные лагеря. Тогда никто не знал, что есть такие лагеря. Просто люди исчезали. Целыми семьями. Бесследно. Мириться с этим Еврейское агентство не могло. И было принято трудное, но единственно верное в тех обстоятельствах решение – пойти на переговоры с нацистами. Переговоры велись не напрямую, а через посредников. Сначала посредниками были дипломаты посольства Швеции в Берлине, а затем – Ватикан. Речь шла о спасении евреев Германии. Никто тогда

не думал, что через пять лет опасность нависнет над всеми евреями Европы.

Ашинзон перевел дух. Дверь комнаты открылась, и на пороге появилась Рахель.

– Через несколько минут я подам завтрак в столовую, – объявила она и повернулась к Лизе: – Мы едим на завтрак только творог, круассаны и мармелад, мадемуазель. Но вам я могу сделать омлет.

– Благодарю вас, Рахель, – улыбнулась Лиза. – Я перекусила в самолете, так что круассан и чашка кофе меня вполне устроят.

Рахель кивнула, и дверь закрылась.

– Переговоры прошли успешно, – продолжил Ашинзон. – Нацисты согласились выпустить евреев из Германии. Но потребовали за каждого выезжающего взрослого еврея 10 тысяч долларов. Еврейское агентство было вынуждено согласиться на эти условия. Всего должно было выехать 450 тысяч человек, не считая детей.

Лиза закусила губу, пытаясь в уме перемножить эти цифры.

– Это четыре с половиной миллиарда долларов, Лиза, – улыбнулся одними губами Ашинзон. – По тем временам совершенно нереальная, огромная сумма. Но выхода не было. Еврейскому агентству пришлось согласиться. Сотрудники агентства отправились по всему миру с подписными листами. Они работали год. И они собрали эти деньги. Никто

не отказался дать столько, сколько может. От нескольких долларов до миллионов. Евреи были готовы выкупить своих братьев из нацистского ада. Оставалось только подписать договор.

Ашинзон протянул руку, взял бокал и сделал большой глоток. Лиза смотрела на него, затаив дыхание.

– От имени Германии договор должен был подписать рейхсканцлер Адольф Гитлер. Сначала немцы хотели, чтобы договор подписал кто-то из его соратников. Гесс или Геринг. Но нам удалось настоять на том, чтобы это был сам Гитлер. Только его подпись гарантировала евреям беспрепятственный отъезд. Гитлер согласился, но настаивал на том, что соглашение будет тайным. Любая огласка давала ему право остановить эмиграцию. Он не желал, чтобы народ Германии заподозрил его в сговоре с евреями. Или, не дай бог, в сочувствии им. Евреи должны были просто тихо исчезнуть. Испариться. А Германия стать богаче на четыре с половиной миллиарда долларов. И потому, конечно, не могло быть и речи о гласной церемонии подписания договора. Ни один журналист не должен был пронюхать, что канцлер Великого рейха ведет переговоры с представителями евреев. Более того, что он встречается с ними и подписывает какой-то договор. И тогда был придуман план...

Дверь распахнулась, и на пороге вновь стройным тополем встала Рахель.

– Завтрак готов! – торжественно объявила она. – Прошу

к столу.

Лиза хотела было сказать, что завтрак подождет, но, взглянув на Ашинзона, передумала. Долгий монолог утомил старика. Он тяжело дышал, на щеках выступили красные пятна, подбородок подрагивал. Рахель молча стояла в дверях. Ашинзон перевел дух и кивнул.

– Продолжим после завтрака. – Он повернулся к Лизе. – Прошу вас, мадемуазель.

Тяжело опираясь на подлокотники, старик поднялся и пошел к выходу, осторожно ставя ступни, обутые в мягкие войлочные туфли.

Завтракали вчетвером. Кроме Авраама, Лизы и Рахели, за столом сидел мрачный старичок, не произнесший за время завтрака ни слова и бесцеремонно разглядывавший Лизу совершенно безумными глазами цвета морской волны.

Молчала и Рахель. Но в отличие от мрачного старика она не отрывала глаз от тарелки, в которую с самого начала положила горсточку творога и чайную ложку мармелада. Зато Ашинзон говорил за троих. После чашки кофе его усталость сняло как рукой. Старик рассказывал анекдоты и обсуждал израильских политиков, намазывал мармелад на кусочек жареного хлеба и объяснял, что именно сахар пробуждает активность клеток головного мозга и потому называть сахар «белой смертью» могут только злоумышленники. Лиза с удовольствием съела горячий круассан и выпила черный кофе. Она бы с удовольствием добавила в кофе немного молока, но молоко стояло около мрачного старичка, а обращаться к нему Лизе не хотелось. Наконец Ашинзон тщательно промокнул губы и поднял глаза.

– Мы можем продолжать, – сказал он. – Если, конечно, вы уже поели, мадемуазель.

– Благодарю вас. – Лиза отодвинула пустую чашку. – Я уже поела.

Лиза поднялась из-за стола и в сопровождении Авраама

пошла в гостиную. У самой двери она оглянулась. Мрачный старичок смотрел на нее. Лизе показалось, что в его безумных глазах светится ненависть. Лиза смутилась. За что этому человеку ненавидеть ее? Сев на прежнее место в гостиной, Лиза легко кивнула в сторону столовой и спросила:

– Кто этот человек?

– Мой брат Лео. – Авраам вздохнул. – В нашей истории он тоже сыграл определенную роль, и до нее мы скоро дойдем.

– Он ваш младший брат?

– Лео старше меня на три года. Он родился в тысяча девятьсот десятом. В Могилеве. Тогда наша семья еще не переехала в Париж. Но, если позволите, я продолжу.

Лиза откинулась на спинку кресла и кивнула.

– Итак, стороны приступили к разработке плана встречи, – продолжил Авраам точно с того места, на котором прервал свой рассказ до завтрака. – Подписание договора не могло состояться в Германии. Нацисты не могли допустить приезда в свою страну делегации Еврейского агентства или даже его высокопоставленного представителя. Это могло стать известно прессе. Не германской. За прессу Германии нацисты были спокойны. Но закрыть рты журналистам других стран они тогда еще не могли. В то же время подписание договора не могло состояться и в другой стране. Ведь визит немецкого канцлера был событием слишком заметным, и его встреча с представителем агентства могла получить нежелательную огласку.

– Так как же? – вырвалось у Лизы. После крепкого кофе ей отчаянно хотелось закурить, но она не решалась попросить разрешения.

– И тогда было найдено решение простое в своей гениальности. Встреча должна была состояться в поезде. В Восточном экспрессе, который, как известно, выходит из Парижа, проходит по территории Германии и дальше – по Восточной Европе до Стамбула. Представитель агентства должен был сесть на поезд в Париже, заняв, разумеется, отдельное купе. В Потсдаме в поезд садились агенты германских спецслужб. В их задачу входила проверка документов представителя агентства и его личный досмотр. Разумеется, у представителя агентства не должно было быть никакого оружия. Гитлер должен был сесть в поезд на подъезде к Берлину. До следующей станции Фюрстенвальде было полтора часа. За это время подписывался договор. В Фюрстенвальде Гитлер выходил из поезда, а наш представитель ехал дальше до Стамбула, откуда возвращался в Париж самолетом с подписанным договором. Таков был план.

Ашинзон замолчал, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Лизе показалось, что старику нехорошо. Она коснулась его руки. Авраам не шелохнулся. В груди Лизы кольнула холодная змея и ударила хвостом где-то в районе сердца. Она вскочила.

– Что с вами?!

Ашинзон открыл глаза.

– Простите, что напугал вас, – сказал он. – Небольшой приступ. Но уже все в порядке. Давайте продолжать. Встал вопрос о том, кто будет подписывать договор со стороны Еврейского агентства. Нацисты выдвинули условие – это должен быть высокопоставленный чиновник, но не член высшего руководства. Ведь скрыть поездку в Стамбул Бен-Гуриона или Вейцмана было невозможно. Кроме того, они всегда путешествовали в сопровождении секретарей, помощников. Любое их перемещение в одиночку сразу привлекло бы внимание. И тогда было принято решение, что договор подпишет...

– Мой дед, – вырвалось у Лизы.

– Ваш дед, – кивнул Авраам. – Первый секретарь европейского отдела. Он часто ездил по Европе, и его путешествие в Стамбул никого не удивило бы.

– А у него разве не было помощника? – спросила Лиза.

– У высшего руководства агентства было по несколько помощников и секретарей. И посвящать в курс дела всех этих людей было опасно. А у Жана Вальдмана был всего один помощник. Этим помощником был я! – Авраам поднял на нее глаза, и в них на мгновение вспыхнул давно угасший огонь страстей и авантюры. – Мне было двадцать два года. Я был молод и готов умереть за счастье своего народа. Меня посвятили в курс дела. Я знал, для чего Жан едет в Стамбул. Более того, я должен был проводить его в Париже и встретить в Стамбуле.

– Кто еще знал о подлинной причине поездки деда?

– Тогда мне казалось, что о поездке Жана не знал никто. – Авраам кивнул, словно подтверждая, что Лиза на правильном пути. – Все это держалось в строгой тайне. Но сегодня я понимаю, что об этой тайне знало довольно много людей. Все высшее руководство агентства. Ну, это естественно. Кроме того, агентство контролировало состав с момента его отправления из Парижа. Несколько наших людей ехали под видом коммерсантов до Стамбула или до Бухареста. Они должны были отслеживать ситуацию изнутри, держась, разумеется, подальше от двенадцатого вагона, в котором ехал ваш дед. Ведь в поезде было немало агентов гестапо, и любое их подозрение могло сорвать сделку, от которой зависели жизни сотен тысяч евреев и их детей. Наши люди наблюдали за поездом и извне. В Потсдаме, в Берлине и в Фюрстенвальде. Кстати, мой брат Леон со своей группой наблюдал за вокзалом в Фюрстенвальде и должен был сообщить в Париж о том, что Гитлер покинул состав.

– То есть о поездке деда знало не меньше двух десятков человек. – Лиза покачала головой.

– А может быть, и больше, – кивнул Авраам. – Но, во-первых, они знали не обо всей операции, а только о том, что каждый из них должен делать на своем конкретном участке. Во-вторых, это были верные и не раз проверенные люди. Они понимали, насколько важна операция, которую они прикрывали.

– И что же произошло дальше?

– Я провожал вашего деда в Париже 12 апреля 1935 года. У него был билет на место номер 16 в восьмом купе двенадцатого вагона. Я занес в купе его чемодан и вышел на перрон. Окно купе было открыто. Жан долго смотрел на меня, потом сказал: «До встречи в Стамбуле!» Мне показалось, что его что-то гнетет. Я спросил: «Что тебя волнует? Ведь все уже оговорено, осталась простая формальность». Он улыбнулся и кивнул. «Все будет в порядке. Мы спасем наших братьев. А это – главное». И тут поезд тронулся. Мы махали друг другу руками, и я шел за поездом, пока не кончился перрон.

– У вас было дурное предчувствие? – спросила Лиза.

– Нет. – Авраам решительно мотнул головой. – Напротив, мне казалось, что все завершится благополучно. И дальше все шло без проблем. Поезд пересек границу. Наш человек сообщил из Потсдама, что в поезд сели четыре сотрудника центрального аппарата гестапо. Мы замерли в ожидании. Если хоть что-то вызовет их подозрение, Гитлер в поезд не сядет. И вот состав подошел к Берлину. Наши люди контролировали все подъезды к вокзалу. И вскоре мы получили сообщение, что Гитлер сел в поезд. Конечно, это произошло не на вокзале. Состав уже отошел от перрона, прошел метров двести и остановился. Бронированный «Майбах» Гитлера подъехал прямо к составу, и немецкий канцлер поднялся по ступеням двенадцатого вагона вместе с четырьмя охранниками. Мы все облегченно вздохнули. Теперь оставалось

ждать следующей остановки поезда. В Фюрстенвальде. Как я уже сказал, там за вокзалом и подъездными путями вели наблюдение мой брат Леон и его люди. Все произошло как в Берлине. Примерно за километр до станции состав остановился, к нему подъехал все тот же «Майбах». Четыре фигуры спрыгнули на насыпь и бережно сняли с подножки пятаую. Через мгновение машина умчалась в сторону Берлина. Леон находился на вокзале и первым получил сообщение об отъезде Гитлера. Он уже хотел сообщить в Париж о благополучном завершении операции, но тут случилось неожиданное. Вокзал начали оцеплять гестаповцы. Как только состав остановился, несколько человек поднялись в двенадцатый вагон. Вскоре они вышли и вынесли из вагона черный клеенчатый мешок. Мешок унесли в здание вокзала в окружении солдат в черной форме. Леон видел, как следователь раскрыл мешок, фотограф сделал несколько снимков, затем мешок закрыли, уложили в машину «Скорой помощи» и увезли.

– Это было тело моего деда?

– Мы все были в этом уверены. Тем более что после отправления поезда наши люди сообщили, что его купе в двенадцатом вагоне пусто.

– За что они его убили?

– Этого никто из нас не знал. Переговоры после этого уже не возобновились. На запрос Ватикана о причинах срыва подписания соглашения гитлеровцы ответили, что более не намерены иметь дело с Еврейским агентством, не заинтере-

сованы в переговорах и ни при каких условиях не дадут разрешения евреям Германии на свободный выезд из страны. А примерно через неделю Гитлер создал специальное управление по делам евреев, которое и начало разрабатывать план истребления всех еврейских общин Европы. В агентстве считали, что Жан сорвался, не выдержал и что-то сказал Гитлеру о его зверином антисемитизме. Может быть, даже дал пощечину. И охрана фюрера его застрелила.

– Вы поверили в эту версию? – усмехнулась Лиза.

Авраам откинулся на спинку кресла. На его лице появилось странное мечтательное выражение. Лиза поняла, что он перенесся мыслями в те далекие дни и пытается что-то вспомнить.

– Я знал вашего деда лучше, чем кто-либо другой, – медленно проговорил Авраам. – Он был очень выдержанным человеком. Особенно во всем, что касалось дела. И мне было трудно поверить в то, что Жан сорвался. Даже если учесть, что перед ним сидел самый страшный в истории враг нашего народа. – Он опять замолчал, поднял глаза к потолку и продолжил: – Но другой версии, другого объяснения того, что произошло, у меня не было. Пока...

– Пока... – Лиза подняла глаза на старика, словно призывая его не томить и говорить быстрее. – Случилось что-то еще?

– Я, как и должен был, встречал поезд в Стамбуле в терминале Сиркеджи. Я уже знал, что Жан не приехал, но сыг-

рал неведение: заявил проводнику, что не могу найти своего дорогого друга. Проводник рассказал, что, к его великому сожалению, мой друг скончался в дороге от острого сердечного приступа и его тело было оставлено на территории Германии. Я был безутешен, и проводник позволил мне заглянуть в купе, в котором ехал мой друг. Я вошел в купе и на полу обнаружил темные пятна. Пользуясь тем, что проводник оставил меня одного, я отскреб с ковра, лежащего на полу купе, темно-бурые крошки. Вернувшись в Париж, я отдал эти крошки на экспертизу. Они оказались частичками крови. Но это была кровь второй группы. А у вашего деда, Лиза, была третья группа крови.

– Может быть, на полу купе была кровь двух людей? – Лиза пристально взглянула на Авраама. – Или нескольких человек?

– Я это проверил. – Авраам покачал головой. – Можете не сомневаться. Эта мысль пришла и мне в голову. Уже после того, как состав вернулся в Париж, я нашел его на запасных путях, пробрался в двенадцатый вагон и вырезал часть ковра, лежащего на полу в этом злополучном купе. – Авраам поднял глаза на Лизу. – Нет, Лиза. На ковре была кровь одного человека. Кровь второй группы.

– Вы хотите сказать, что в купе убили не дедушку Жана?

– Я ничего не хочу сказать, Лиза. – Авраам развел руками. – Я просто излагаю вам факты. Факты, которые я не успел сообщить вашему отцу и которые, как мне казалось,

вы должны знать. А делать выводы... Это уже ваше дело. У меня на это просто не хватает времени.

Лиза кивнула. В голове у нее был полный кавардак. Метались какие-то обрывки мыслей, что-то вроде «Как же это?» и «Этого не может быть!». Ашинзон молча смотрел на нее, шумно вдыхая и выдыхая воздух. Лиза поняла, что старик ждет вопросов.

– Вы пытались навести о нем какие-нибудь справки?

– Конечно, – кивнул Авраам. – И лично, и по официальным каналам. Но на все запросы в германское посольство, в МИД Германии, в рейхстаг мы получили один-единственный ответ: согласно данным пограничной службы, Жан Вальдман пересек франко-германскую границу 12 апреля в поезде. Более он границу не пересекал, германскими властями не задерживался, никаких претензий к нему германские власти не имеют и, куда он исчез, не знают. По просьбе французского правительства ваш дед был объявлен в розыск в Германии. Но, как вы понимаете, никаких результатов это не дало.

– То есть мой дед бесследно исчез? – Лиза ощутила, как от этих слов по щекам пробежал холодок. Она промокнула платочком лоб и щеки.

– Ваш дед бесследно исчез, – кивнул Ашинзон. – Он вошел в поезд. Это я видел своими глазами. Но из поезда он не выходил. И мертвое тело, которое вынесли из поезда сотрудники гестапо в Фюрстенвальде, принадлежало не ему.

Лиза молчала. Она вспомнила одну из любимых фотографий дедушки Жана. Веселый, улыбающийся дед в сюртуке с развевающимися на ветру лапами стоял на фоне моря и махал кому-то рукой. Лиза всегда представляла, что дед машет ей. Что же там произошло, в этом купе? Нет, это какая-то ошибка. Просто этот старичок перепутал группы крови. Нацисты убили ее деда. Убили за то, что он пытался спасти своих собратьев. И другой правды быть не может.

– Вы уверены, что в вагон поднялся Адольф Гитлер? – тихо проговорила Лиза.

– Конечно. Наши люди зафиксировали это точно. В поезд в Берлине поднялся канцлер Германии Адольф Гитлер.

– Пытались ли вы найти моего деда после войны?

– Пытался. – Ашинзон тяжело вздохнул, и Лиза поняла, что старик устал. – Поиск Жана – единственное, к чему я относился серьезно в этой жизни. Я хотел его найти, причем непременно хотел это сделать сам. За все то, что Жан сделал для меня. Именно поэтому я не успел рассказать все это вашему отцу. Но нацисты, судя по всему, уничтожили все данные о той встрече. Во всяком случае, в германских архивах мы не нашли ничего, что было бы связано с именем Жана Вальдмана.

Лиза подняла глаза на Ашинзона. Он шумно выдыхал воздух, и на его верхней губе поблескивали капельки пота.

– Вам надо отдохнуть, – сказала Лиза.

– Конечно, – кивнул старик. – Я отдохну. Только покажу

вам несколько фотографий.

Он приоткрыл ящичек стола и быстрым движением извлек из него два пожелтевших кусочка картона. Лиза бережно взяла в руки один из них. В центре снимка стоял дед в светлом сюртуке, опираясь на трость. Но он не улыбался. Строго смотрел перед собой. А за его спиной застыл железнодорожный вагон с цифрой «12» на табличке около двери. У вагона Лиза разглядела человека в форме проводника, каких-то людей с чемоданами в руках...

– Это тот самый вагон? – спросила она.

Ашинзон кивнул.

– Этот снимок я сделал на вокзале. За минуту до того, как Жан поднялся в вагон. Агентство требовало полного отчета об операции.

Старик протянул ей вторую фотографию.

– А это ваш дед смотрит на меня из окна своего купе.

Лиза всматривалась в глаза, смотревшие прямо на нее, и вдруг ощутила какую-то странную привязанность к этому человеку. «Родственные чувства, – удивилась она. – Неужели они действительно заставляют нас ощущать нечто особенное к людям, которых мы никогда не видели и не знали?»

– Я могу взять эти фотографии?

– Конечно. – Старик прикрыл глаза. – Они ваши, Лиза. А теперь я действительно хотел бы отдохнуть. Моя машина и водитель в вашем распоряжении. Побродите по Иерусалиму, поезжайте в Тель-Авив. Ваш отец очень любил этот город.

Рахель поможет вам составить план экскурсий.

Лиза взглянула на Авраама.

– Может быть, вызвать врача?

– Не беспокойтесь, Лиза. – Старик открыл глаза. – Врач мне не поможет. Просто попросите Рахель зайти. Мне действительно нужен отдых.

Лиза поднялась с кресла и, не выпуская из рук драгоценные фотографии, пошла к двери, стараясь почему-то ступать как можно тише.

На площади перед аэропортом имени Шарля де Голля Андрей Соколов сел в такси и назвал адрес отеля Roi de Sicile. Этот отель порекомендовали ему сослуживцы, охарактеризовав его как «очень приличный и совсем недорогой».

Немолодой водитель с худым аристократическим лицом в виде вытянутого овала и никак не сочетавшимися с ним пышными усами коротко кивнул и тронул свой «Рено» с места. Андрей смотрел в окно на пассажиров, катящих в разных направлениях свои чемоданы, и чувствовал, что эта картинка суеты и бешеного ритма совсем не угнетает, а только радует его. «Ах, где ты, где ты, где ты, мечта моя, Париж?! Поэтами воспетый от погребов до крыш», – промурлыкал Андрей слова известной песенки Д'Артаньяна из американской версии фильма о мушкетерах и усмехнулся. Известно, где Париж. Вон он, здесь, вокруг. И он приехал сюда не просто так, а по делам. Эта мысль почему-то была особенно приятна.

В последний раз он был в Париже всего неделю назад. Тогда в качестве преуспевающего бизнесмена Андрей занимал люкс в Hotel Ritz и делал все, что должен делать в Париже россиянин, не ограниченный в средствах: покупал золотые безделушки и шелковые галстуки, волочился за юными танцовщицами и просиживал все вечера в ресторанах с партне-

рами по бизнесу. Именно там, в ресторане Lido, когда подали устриц, ему и пришла в голову эта мысль: зачем? Зачем все это? Все эти отвратительные безвкусные устрицы, все эти безделушки, равнодушные, умело имитирующие страсть танцовщицы, рестораны, вечные разговоры о достигнутых успехах, единственная цель которых понежить свое требующее постоянного внимания эго. Он пытался отмахнуться от мысли, как от вредной и несущественной, но мысль возвращалась вновь и вновь, добавляя все новые и новые «зачем». Все это его почему-то так расстроило, что Андрей выбрался из-за стола и заявил, что «ему пора». Коллеги зашумели, в бокалы хлынула ледяная водка, но Андрей остался тверд, откланялся и вышел, провожаемый уважительным взглядом белобородого швейцара, получившего привычные пятьдесят евро «на чай».

Машину он отправил в отель, а сам пошел пешком, с удовольствием вдыхая всей грудью прохладный воздух. От Лувра Андрей спустился к Сене и пошел по набережной, касаясь ладонью каменных перил и скользя небрежным взглядом по мутным маслянистым водам великой реки. Неужели он собирается вот так прожить всю жизнь? Ему уже тридцать шесть. Сколько он еще протянет? Пусть еще столько же. Нет, мало. Хорошо бы еще лет пятьдесят. Как минимум. А еще лучше шестьдесят. Ладно. Пусть шестьдесят. Все равно это пустяк по сравнению с вечностью. И все шестьдесят лет он так и будет сидеть в кабаках, болтать ни о чем и делать вид,

будто именно он диктует солнцу, когда оно должно начать свой подъем на небосклон. А ведь когда-то он считался перспективным ученым. Десять лет назад он защитил кандидатскую диссертацию о работе советской разведки в Юго-Восточной Азии. И его научный руководитель профессор Королев назвал эту диссертацию «очень интересной работой». А Королев слов на ветер не бросает. Это известно всем. Так что, не уйди он в бизнес... Стоп! Андрей остановился и помахал рукой плывущей по реке барже. Стоп! Все это ерунда, пьяная слезливость и вечное русское желание довести самоунижение до абсурда. Он, между прочим, уйдя из науки, не фантики собирал, а создал компанию «Эй. Си. Гласс». И производил, между прочим, не какую-нибудь ерунду, а линзы для очков. И сеть оптик открыл в сорока городах. И очки продавал дешевле, чем все конкуренты. А потом вышел на биржу и занялся недвижимостью и биржевыми операциями. А зачем? Андрей остановился. И действительно, зачем? Ведь он терпеть не может биржевые операции. И от недвижимости его воротит. Что же получается? Он зарабатывал деньги, не спал ночами, работал сутками, боролся с конкурентами и победил только для того, чтобы заниматься тем, чего он терпеть не может. Ерунда какая-то. Ну почему он должен заниматься этой проклятой биржей? Чтобы заработать? Зачем? Заработанных денег ему хватит на всю жизнь. А если еще продать «Эй. Си. Гласс». И компанию по недвижимости. И инвестиционную фирму. И положить деньги на закры-

тый счет. То годовой процент составит... Андрей привычно закрутил в голове цифры и остался доволен полученным результатом. И можно будет не заниматься биржевыми операциями. И не покупать недвижимость. А чем он будет заниматься? Летать в Париж, сидеть в ресторанах и волочить за танцовщицами? «Что я и делаю сейчас без всех этих хлопот», – вспомнил Андрей фразу Жванецкого и улыбнулся. Нет. Если он действительно сможет освободиться от всей этой глупой текучки, он вернется в науку. И опять займется тем, что он любит, – историей разведки. Только не поздно ли? Сколько работ написано за тринадцать лет? Наверное, все архивы перепаханы сотнями новых исследователей. Ну и что? Для него нет места в науке? Такого не может быть. Если уж в бизнесе он сумел занять свой плацдарм. Конечно, будет непросто, но игра стоит свеч. Ведь только за письменным столом и у пыльных полок архивов он ощущал себя счастливым. К нему приходили ни с чем не сравнимые чувства поиска и познания истины, вдохновение и азарт, с которым не сравнится ни азарт казино, ни азарт поиска новой любовницы.

Нет, все это несерьезно. Как он уйдет из бизнеса? Как все бросит? Как продаст? Кому? Андрей остановился. Что значит «как уйдет из бизнеса»? Вот так, возьмет и уйдет. Ведь он хозяин своих дел и поступков. Только что, в ресторане, он доказал это всем. Теперь это придется доказать самому себе.

Андрей огляделся. Низкие тучи, нависавшие над Пари-

жем, разошлись. В городе стало заметно светлее. «Может быть, это знак? – подумал Андрей. – Одобрение моих мыслей какими-то высшими силами?» Он улыбнулся небесам и подмигнул тому, кто сидит надо всем в бездонном мраке. Кажется, они друг друга поняли. Андрей запахнул плащ и быстро пошел по направлению к гостинице.

На следующее утро Андрей с удивлением обнаружил, что решимость изменить жизнь не только не исчезла, но стала еще более привлекательной. В тот же день он улетел в Москву и прямо из аэропорта поехал в институт. Отдел истории разведки Андрей нашел не без труда. Теперь он размещался на третьем этаже, а не на пятом, как тринадцать лет назад. Люди в отделе работали новые, молодые и не склонные к долгим разговорам с неизвестными. О бывших сослуживцах Андрея они что-то слышали, но где они сейчас, не знали. И только когда он упомянул профессора Королева, оживились. Конечно, они знают Николая Павловича! Еще бы им не знать заместителя директора собственного института. Андрей обрадовался, поблагодарил коллег, угостил их сигаретами «прямо из Парижа» и спустился на второй этаж, где, по традиции, размещалось начальство.

Профессор Королев принял его сразу. Выбрался из-за стола, обнял, постучал ладонью по спине. «Вырос! Вырос! Изменился! К нам-то какими судьбами?» Услышав о желании Андрея вновь заняться наукой, стал серьезным и вернулся за стол.

– Что-то не получилось в бизнесе? – спросил он.

– Все получилось. – Андрей сел напротив, не сводя глаз с постаревшего лица своего научного руководителя. – Просто надоело. Хочется заниматься своим делом. – Он поднял взгляд на Королева и увидел в его глазах сомнение. – Это правда, Николай Павлович! Я не обанкротился, за мной не охотится налоговая инспекция, я не собираюсь укрываться здесь от следователей МУРа. Просто хочу вернуться.

Королев еще несколько секунд помедлил, словно пытаюсь уговорить самого себя поверить бывшему любимцу. Наконец, его взгляд очистился, и Андрей понял: «Поверил».

– Что ж, Андрюшенька, – кивнул Королев. – Может быть, ты и прав. Жизнь коротка, чего ее тратить по пустякам. Что тебе рассказать о нас? После твоего ухода наступили тяжелые дни. Уже думали, институт закроют. Хоть и академический, а все равно. Зарплату не платили. Много людей ушло. Но удержались. На самом краю. Потом потихоньку выправилось. Бюджет появился, люди стали возвращаться. Твой отдел в последние годы очень активно работает. Архивы открылись, разведка всех интересуется. Много диссертаций сделано. Так что тему для докторской подобрать будет непросто.

– Тему всегда непросто подобрать, – улыбнулся Андрей. – Только не может быть, чтобы у вас в запасниках ничего не было. Поделитесь?

Королев засмеялся.

– Эх, Андрюша, Андрюша, – сказал он. – Поделюсь, конечно, если ты серьезно решил вернуться. Я тебя как исследователя всегда ценил. И когда ты в бизнес ушел, сначала переживал. Потом, когда весь институт без зарплаты остался, переживать, конечно, перестал. Но часто вспоминал твое упорство. Наверное, оно и в бизнесе тебе помогло.

Андрей засмутился, но кивнул.

– Помогло, конечно, Николай Павлович. И знание тонкостей работы разведки тоже помогло. В бизнесе ведь как на войне. Без разведки не обойтись.

Королев стер с лица улыбку.

– Ты, я вижу, Андрюша, навоевался. Я рад, что ты решил вернуться. Даже поверить не могу, что все это серьезно.

– Серьезно, Николай Палыч. Еще как серьезно! Вы же меня знаете. Решил, значит, не отступлю. Теперь бы мне только тему найти.

– Я же говорю, упорный, – рассмеялся Королев. – Все ему сразу подавай. Только порог переступил, дай тему. Ладно. – Королев кивнул. – Есть у меня кое-что.

Королев открыл верхний ящик стола и достал из него папку.

– Вот, посмотри. – Он протянул папку Андрею.

Андрей осторожно раскрыл ее. В папке лежал пожелтевший лист бумаги. На Андрея пахнуло знакомым и полузабытым ароматом архива. Он положил папку на стол и прочел: «Совершенно секретно!»

Напечатано в одном экземпляре
Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину И. (лично)
Донесение

Французская разведка готова к проведению известной Вам операции «Каталина». Операция назначена предположительно на 12 апреля. В силах нашей местной резидентуры способствовать как проведению этой операции, так и ее срыву. Жду Ваших указаний по этому вопросу.

Руководитель 7-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР А. Артузов».

Сверху листа наискосок шла резолюция, написанная известным Андрею твердым почерком Сталина. Андрей чуть сдвинул лист и прочел:

«Успех этой операции, равно как и ее провал, нам выгодны. Потому не рекомендую вмешиваться в ее проведение. И. Сталин».

Андрей осторожно закрыл папку и поднял глаза на Королева.

– Интересно.

– Интересно, – подтвердил Королев. – Но самое интересное то, что кроме этой бумаги об операции «Каталина» ничего нет. Ни в одном нашем архиве. Даже в личном архиве Сталина.

– Ни одного документа?

– Ничего. – Королев пожал плечами.

– А в архиве французской резидентуры?

– Тоже нет. Ни одного упоминания.

– Странно.

Андрей раскрыл папку и прочел документ еще раз. Это почерк Сталина. Сомнений нет. Хотя... Любой почерк можно подделать.

– Вы считаете, что... – нерешительно начал он.

– Исследовать эту историю было бы очень интересно, – кивнул Королев. – Все-таки неизвестная операция. Я решил было этим заняться. Но надо лететь в Париж, прорываться в тамошние архивы. Мне в моем нынешнем статусе это уже сложно. – Взгляд Королева стал виноватым. – Административная работа все время забирает. А вот ты...

– Я готов. – Андрей захлопнул папку. – Я могу вылететь в Париж завтра.

Королев рассмеялся.

– Теперь я понимаю, откуда твои успехи в бизнесе, Андрюша. Такой напор! Такие скорости! Но мы, увы, структура государственная, а значит, медлительная. До завтра не успею оформить все документы.

– Ничего. – Андрей держал заветную папку двумя руками, словно кто-то намеревался ее отнять. – Вернусь, все оформим. Только письмо мне напишите, что я представляю институт.

Королев на мгновение замялся, словно у него в голове вновь мелькнула мысль, можно ли доверять Андрею после

столь долгого отсутствия. Андрей не сводил глаз с лица своего научного руководителя и понимал, какая борьба сейчас идет в его душе. «Его можно понять, – подумал Андрей. – Вдруг я возьму письмо и использую его для какой-то аферы. Мало ли у нас таких случаев?!» Наконец Королев принял решение.

– Письмо напишу, – кивнул он. – И кое-какие телефоны дам.

Андрей оторвал от груди драгоценную папку.

– А этот документ? – осторожно спросил он.

– Забирай, – великодушно улыбнулся профессор. – Только копию сделать не забудь. Пусть это будет первым листом твоей диссертации...

...«Рено» мягко затормозил у тротуара.

– Отель Roi de Sicile, месье! – торжественно провозгласил таксист, глядя на пассажира в зеркальце, и зачем-то добавил: – Улица Риволи.

Андрей достал из кармана стофранковую бумажку, протянул ее водителю, покосился на скромное пятиэтажное здание с мансардой и подумал, что надо было заказать номер в Hotel Ritz. Что это он вдруг поскромничал?

Водитель протянул ему сдачу. Раньше Андрей бы отмахнулся от такой безделицы, но сейчас протянул руку и взял купюру. Он теперь не какой-нибудь миллионер-бизнесмен, а скромный ученый. Вот и будет жить так, чтобы не выделяться. В отеле Roi de Sicile.

Он вытянул из багажника свой чемодан, приветливо махнул таксисту и пошел к подъезду. Мысль о том, что он прилетел в Париж не просто погулять, а по делу, продолжала оставаться для него чрезвычайно приятной.

Лиза вернулась в Париж в ночь на понедельник и из машины позвонила Жюлю Перно, зная, что эта сова раньше четырех в постель не идет. Услышав ее голос, художник трижды прокричал: «Виват!»

– Ты считал, что я не вернусь сегодня? – спросила удивленная Лиза.

– Честно говоря, не ожидал. Неожиданный визит в Иерусалим. Таинственный родственник, находящийся между жизнью и смертью. Я решил, что ты получила наследство и теперь будешь всю жизнь наслаждаться покоем где-нибудь на Багамах. Но я рад, что ты вернулась, и готов сообщить тебе сразу две новости. Хорошую и плохую. С какой начать?

– С хорошей. После поездки в Иерусалим я нуждаюсь в хороших новостях.

– Наши швеи закончили сметывать модели, и завтра мы можем начать примерки.

– Отлично! А что у нас плохого?

Жюль выдержал такую долгую паузу, что Лиза успела перепугаться.

– Жюль, не молчи! Что случилось?

Перно самодовольно хмыкнул. Его замысел заинтриговать Лизу полностью удался.

– Твоими моделями заинтересовались люди Версахи.

– О господи! – У Лизы отлегло от сердца. – И что в этом плохого?

– Если они переманят тебя в Милан, я припомню Италии все проблемы, которые она нам постоянно создает. Начиная от Муссолини и кончая четвертьфиналом в Сен-Дени, когда они чуть не помешали нам стать чемпионами мира.

– Что за четвертьфинал? – поинтересовалась Лиза.

– В девяносто восьмом мы выиграли у них четвертьфинал по пенальти, – с удовольствием ударился в воспоминания Перно. – Они не забили последний пенальти, а мы забили. Блан вколотил его в сетку, как гвоздь.

– Бедный Жюль, – улыбнулась Лиза. – Я представляю, как ты кричал!

– Кричал?! – В голосе художника прозвучали нотки презрения. – Мои соседи до сих пор вспоминают мне тот вечер. – Он помолчал и добавил: – Я перевернул банку пива. Жанетт думала, что придется вызывать «Скорую помощь»...

– Но мы же победили. Значит, победим еще раз, – примирительно сказала Лиза. – Никто никуда меня не переманит. Мы с тобой сделаем коллекцию и побьем всех этих версачи.

Лиза повесила трубку. Мысли о бабушке Жане не шли у нее из головы уже вторые сутки. Именно эти мысли испортили поездку к Стене Плача. Лиза прикасалась ладонями к древним камням и понимала, что должна думать о чем-то вечном и великом. Но в голове крутились вопросы, на которые не было ответа: кто был убит в купе двенадцатого ваго-

на? Если был убит не дедушка Жан, то где он? Сошел с поезда? Когда, где и зачем? И как мог войти в вагон канцлер Германии, если Жана Вальдмана в вагоне не было? Значит, перед самым Берлином дед был в купе. Куда же он исчез? Лиза прижалась лбом к камню. Стена ответила ей теплым прикосновением. «Господи! – подумала Лиза. – Сделай так, чтобы я получила ответы на эти вопросы». Лиза оторвалась от Стены и пошла к выходу с женской половины, забыв положить в расщелину между камнями записку с просьбой об успехе показа коллекции.

За обедом она вновь встретилась с Рахелью и двумя Ашинзонами – Авраамом и Лео. Авраам был бледен и молчалив, Лео не отрывал взгляда от тарелки. И только Рахель пыталась беседовать с Лизой, выясняя, как ей понравился Иерусалим. Когда Лиза заговорила о теплых камнях Стены Плача, Ашинзон поднял голову.

– Стена отдает энергию, – сказал он. – Но не всем. Вам отдала. Видимо, эта энергия вам для чего-то понадобится.

Голос Авраама звучал глуше, чем утром. Лиза подняла глаза, и ей показалось, что глаза Ашинзона погасли. Он смотрел мимо нее, в какие-то одному ему видимые дали. Лиза не сводила взгляд со старика. Закончив говорить, он вновь склонился к тарелке. Лиза доела бифштекс, промокнула губы салфеткой и ушла в свою комнату собрать вещи. Через три часа ей надо было отправляться в аэропорт.

Сорок минут спустя кто-то очень тихо постучал в ее

дверь. Лиза сидела в кресле, листая томик стихов Бродского в переводе на французский, который нашла в ящике тумбочки.

– Войдите!

Дверь приоткрылась, и Лиза увидела Рахель. Ее глаза были заплаканы.

– Авраам скончался. – Рахель переступила порог и остановилась, не зная, как вести себя дальше.

Лиза отложила томик Бродского и пошла навстречу Рахели.

– Когда?

– Только что. Мы вызвали «Скорую помощь», но она не успела. Врачи констатировали его смерть.

Лиза обняла женщину. В горле застрял ком. Словно скончался кто-то очень близкий. А ведь только пару дней назад она не знала этого человека.

– Мне очень жаль, Рахель!

Рахель кивнула и прижала платок к глазам.

– Спасибо вам, Лиза, за то, что вы приехали. За то, что вы успели. Вы дали ему возможность уйти спокойным и умиротворенным.

– Я могу увидеть его? – тихо спросила Лиза.

Рахель покачала головой.

– «Скорая помощь» уже увезла тело. Вы увидите его на похоронах.

Заметив тень, невольно пробежавшую по лицу Лизы, Ра-

хель сказала:

– Вам не придется переносить полет. Похороны состоятся через два часа. У нас ведь хоронят покойников в день смерти. Чтобы тело не мешало душе начать восхождение в высшие миры. Но вы успеете только заехать в синагогу. Оттуда Даниэль отвезет вас в аэропорт. А мы поедем на кладбище.

Лиза молча кивнула. Дверь за Рахель закрылась. Лиза молча открыла крышку своего чемодана. Так и есть – у нее нет ничего черного. Не подумала. Хотя и должна была. Ведь Авраам сказал, что может умереть в любую минуту. Лиза перебрала красные кофточки и белые блузы. На самом дне чемодана она обнаружила синее платье. Это подойдет. Лиза достала платье, бросила его в кресло и пошла в ванную.

Погруженная в свои мысли, Лиза почти не запомнила церемонию в синагоге. Высокий раввин красивым баритоном проговаривал псалмы, какие-то люди произносили на иврите короткие речи.

После церемонии она еще раз обняла Рахель, и мрачный Даниэль повез ее в аэропорт. От волнения и усталости Лиза первый раз в жизни уснула в самолете и проснулась, только когда гигантский лайнер коснулся колесами земли...

...Лиза аккуратно припарковала машину у тротуара и ключом открыла дверь трехэтажного дома из темно-коричневого кирпича, который купил в последний год девятнадцатого века ее прадед, бежавший от начавшихся в России погромов. В прихожей было темно. Лиза щелкнула выключате-

лем, бросила у порога чемодан и поднялась на третий этаж. Из-под двери комнаты тети Вардены пробивалась полоска света. Лиза коротко стукнула в дверь и, услышав приглашение войти, переступила порог.

Тетя Вардена, маленькая и аккуратная старушка с гладко зачесанными белоснежными волосами, сидела перед телевизором, на экране которого два полуголых боксера молотили друг друга пудовыми кулаками.

– Лиза, – тетя оторвалась от экрана и коротко взглянула на племянницу, – я не видела тебя сегодня утром. Ты не вышла к завтраку. Потом прочла твою записку о том, что ты появишься только вечером. Что случилось? Неприятности или много работы?

– Я была в Иерусалиме.

– Где? – Брови тети Вардены поползли вверх, а взгляд задержался на племяннице чуть дольше. – Что это значит: «Я была в Иерусалиме»?!

– Меня просил приехать Авраам Ашинзон.

Подбородок тети Вардены дрогнул.

– Авраам? Он еще жив?

– Он умер вчера вечером. Но успел рассказать мне об исчезновении дедушки Жана.

Тетя Вардена наконец отвела глаза от экрана.

– Ты хочешь сказать, о гибели дедушки Жана?

– Нет. Ашинзон рассказал мне об исчезновении деда.

Тетя Вардена, явно заинтересованная, повернулась к Лизе

всем телом.

– Что за ерунду он придумал? Жана убили гестаповцы. И Аврааму это известно лучше, чем кому-либо другому. Он ведь встречал поезд в Стамбуле.

– Тетя, подожди. – Лиза покачала головой. – Я расскажу тебе все, о чем мы говорили с Ашинзоном. Но прежде помоги мне разобраться, кому сколько лет было тогда, в тридцать пятом.

– Сколько лет? – Тетя Вардена помедлила. – Твоему деду Жану было тридцать восемь. Он ведь родился в Одессе. Родители привезли Жана в Париж в тысяча восемьсот девяносто девятом, когда ему только исполнилось два года. Его же не, твоей бабушке Голде, исполнилось за неделю до гибели Жана тридцать четыре. Мне тогда было пятнадцать. – Тетя кокетливо улыбнулась. – Я все-таки не такая старая. А твой папа только родился.

Тетя помедлила, то ли что-то вспоминая, то ли делая какие-то вычисления.

– В апреле тридцать пятого, когда папа уехал, твоему отцу было всего три месяца.

Лиза прикрыла глаза, словно ожидая, когда полученная информация осядет в закоулках ее памяти.

– Значит, в этом доме жили дедушка Жан, бабушка Голда, мой папа, ты. Кто еще?

– Родители Жана. Мои бабушка и дед. Твои прадед и прабабка. Деду было тогда пятьдесят девять лет, маме – пятьде-

сят семь.

– Как вы узнали о том, что случилось с дедом?

Тетя Вардена задумалась. Молчала она долго, пока Лиза не тронула ее за рукав.

– Я боготворила отца, – сказала тетя Вардена. – Он был такой остроумный, элегантный. Да еще и занимал такой высокий пост! В доме постоянно были какие-то люди, решали какие-то проблемы. Отец часто уезжал. Он присылал нам письма и открытки. Из Вены, из Цюриха, из Софии. Когда он исчез, меня, как ты понимаешь, в курс дела не посвящали. Но я слышала разговоры. Дед встречался с Хаимом Вейцманом, он приезжал к нам домой с какими-то людьми. Они совещались, думали, что делать и как найти отца. Я знаю, что бабушка, дед и Голда ездили в МИД. По-моему, даже к министру. Время от времени мы получали официальные письма. Бабушка читала их и плакала. Мама постоянно говорила со мной об отце. Она могла думать только о нем.

– А Ашинзон?

– Что – Ашинзон? – Тетя Вардена внимательно посмотрела на племянницу.

– Он приходил к вам?

– Приходил. Несколько раз. Но он был только секретарем отца и не участвовал в совещаниях с высшими руководителями агентства.

– Он не рассказывал о том, что обнаружил в купе Восточного экспресса?

– В купе? В котором убили отца? Может быть, и рассказывал. Но я об этом ничего не знаю. А что он там обнаружил?

– Вот это я и хотела тебе рассказать, тетя.

Тетя Вардена взяла племянницу за руку.

– Что ты собираешься сделать, Лиза?

– Я хочу выяснить, кто и за что убил деда.

Тетя Вардена кивнула в сторону телевизора, на экране которого судья поднимал руку победителя.

– Ты, девочка, не слабее любого из этих мужиков. Тогда, в тридцать пятом, не нашлось человека, который взял бы поиск Жана в свои руки. Бабушка и дед были слишком стары. В то время пятьдесят девять – это уже была старость. Мама была слишком растеряна и могла только плакать. Наверное, тогда нам не хватало тебя.

– Ну что ты, тетя, – пробормотала растроганная Лиза.

– Но, поверь мне, девочка, даже располагая столь незначительными силами, мы сделали все, чтобы вернуть тело Жана. Или хотя бы найти его могилу. Нам помогало все руководство Еврейского агентства. Но у нас ничего не получилось. Как же ты теперь, когда прошло столько лет...

– Тогда было другое время, – решительно перебила Лиза. – Германией правили фашисты, евреи были изгоями, наши страны враждовали. Теперь никто не посмеет препятствовать моим поискам. А архивы, тетя, никто не сжигал. Не может быть, чтобы документы по такому делу не сохранились.

Тетя Вардена молчала. Затем она щелкнула кнопкой, и экран телевизора погас.

– Ладно, – кивнула она. – Может быть, ты и права. Рассказывай, что ты узнала от Ашинзона.

В Центральном архиве министерства обороны Андрей нашел Поля Госсе. Профессор Королев прекрасно отзывался об этом человеке и снабдил Андрея рекомендательным письмом, пообещав, что «Поль поможет непременно».

Вопреки ожиданиям Андрея, Госсе оказался вовсе не старичком-архивариусом в темно-синих нарукавниках и старомодном пенсне, а молодым человеком в потертых джинсах и ярко-красном свитере. Он прочел письмо Королева и картинно развел руками.

– Франция к вашим услугам, мсье Андрэ.

Андрей рассмеялся.

– Ну уж, вся Франция! С меня вполне достаточно вашего архива.

Андрей достал папку с копией драгоценного донесения Сталину и объяснил ситуацию. Госсе вернулся за компьютер и придвинул к себе клавиатуру.

– Операция «Каталина», операция «Каталина», – повторял он, качая головой, пока его руки бегали по клавишам. – Никогда не слышал о такой операции. Вы уверены, что ее проводила именно французская разведка?

Андрей подчеркнул ногтем слово «французская» в донесении. Госсе покосился на незнакомые буквы, дотронулся пальцем до пузатой «Ф» и кивнул.

– Где она проводилась? В какой стране? Или хотя бы какой именно из наших разведок – военной или общей?

Андрей пожал плечами. Госссе переходил со списка на список и бормотал себе под нос: «Ничего! Так, посмотрим здесь». Наконец он оттолкнул от себя клавиатуру.

– Странно! – Госссе откинулся на спинку кресла. – Ничего нет. Ни в одном каталоге.

– Как же это может быть? – Андрей, словно спасательным кругом, помахал пожелтевшим донесением. – Ничего нет ни у вас, ни у нас.

– Не знаю. – Госссе кивнул на экран компьютера. – Смотрите сами. Я сделал запрос по всем каталогам, включая два секретных. Нигде ничего нет.

– Может быть, есть еще какие-то каталоги? – Андрей сел рядом с французом.

В его голосе прозвучали нотки просителя, вторгшегося в серьезное учреждение и отвлекающего серьезного человека от его серьезных дел. Андрей вдруг подумал: а не предложить ли этому человеку за компьютером немного денег, чтобы активизировать его поиски? Но Госссе неожиданно сказал:

– Конечно, есть. Но туда нет доступа. Ни мне, ни вам. Можем, конечно, сделать запрос, попросить о доступе. Но вопрос не в этом. Почему операции, которая была проведена семьдесят лет назад, нет в общем каталоге? Почему ее нет в каталоге операций? Нет в открытых каталогах спецслужб? Не понимаю. Не может же она оставаться засекреченной че-

рез столько лет.

Андрей молча пожал плечами. Все это, конечно, странно, но пускаться в рассуждения он не намерен.

– Давайте еще раз посмотрим ваш документ, – предложил Госсе. – Переведите мне его слово в слово.

Андрей раскрыл драгоценную папку.

– «Французская разведка готова к проведению известной Вам операции Каталина, – медленно прочел он, сделав ударение на словах «французская» и «известной Вам». – Операция назначена предположительно на 12 апреля. В силах нашей местной резидентуры способствовать как проведению этой операции, так и ее срыву. Жду Ваших указаний по этому вопросу».

– Готова к проведению, – повторил Госсе. – А может быть, операция просто не была проведена?

– Может быть. – Андрей пожал плечами. – Но вряд ли руководитель разведки стал бы докладывать Сталину об операции, проведение которой было под вопросом. Вы представляете, Поль, кто такой Сталин?

– Я занимался историей вашей страны, Андрэ. Даже писал книгу под руководством профессора Королева. И я понимаю, чем рисковал Артузов, если бы операция не была проведена. И потому давайте исходить из того, что она состоялась. Но упоминаний о ней нет. Нигде. И потому у нас есть только один выход, Андрэ. Искать по датам.

– По датам? Что вы имеете в виду, Поль?

Француз откинулся на спинку кресла и коснулся пальцем сложной конструкции, стоящей на столе. От этого прикосновения конструкция пришла в движение. Защелкали металлические шарики, закрутились цветные алюминиевые полоски, сливаясь в сплошной круг. Поль не сводил глаз с этой фантастической картины.

– Предположительная дата операции – 12 апреля. Так? – спросил он и тут же продолжил, не ожидая от Андрея ответа: – Любая операция сопровождается перемещениями сотрудников, техники или армейских подразделений. А может быть, всего этого, вместе взятого. Если операция была успешной, по ее итогам могут кого-то наградить. В случае провала могут начаться увольнения и ликвидации. Можно попробовать все это поискать.

– Отличная мысль, Поль, – оживился Андрей. – Стоит попробовать.

Ему было приятно осознать, что француз помогает ему вполне добросовестно, а не просто «отбивая номер», потому что об этом его попросил старый приятель.

– Попробуем. – Госсе развернулся к столу, одним движением остановил крутящиеся планки и щелкающие шары и решительно придвинул к себе клавиатуру. – Двенадцатое апреля. Я беру десять дней в одну и другую сторону, Андрэ. Со второго по двадцать второе апреля.

– Берите хоть двадцать, – щедро разрешил Андрей, но француз его не слышал.

Он держал мышку всеми пятью пальцами правой руки и, казалось, пытался выжать из нее нужные ему сведения.

– Так, так, – бормотал он. – Так! Ого! Вот это да!

– Что? – Андрей навис над французом, пытаясь разобраться в тексте, выскочившем на экран.

Госсе победным жестом вновь запустил свою светящуюся конструкцию и крутанулся в кресле.

– ЧП в службе общей разведки! – провозгласил он таким тоном, будто сообщал о чем-то очень приятном и даже торжественном. – Двенадцатого апреля погиб офицер Пьер Мартин.

– Погиб? Как именно он погиб?

– Этого в донесении нет! – воскликнул Госсе. От избытка адреналина он не мог говорить спокойно. – Просто сообщается, что погиб при исполнении служебных обязанностей. Так, так.

Он вновь остановил крутящийся «мобиль» и впился глазами в экран компьютера.

– А дальше еще интереснее, – проговорил он несколько секунд спустя.

– Что? – выпалил Андрей, которому передалось возбуждение француза.

– Шестнадцатого апреля был арестован офицер все той же службы общей разведки Жильбер Мартинес.

Андрея охватил охотничий азарт. «Неужели мы ухватились за конец веревочки?» – мелькнуло в голове.

– Арестован? По какому обвинению?

– Черт его знает. – расстроенный Госсе вновь откинулся на спинку кресла. – Здесь же сплошные секреты. Почему бы не написать по-человечески. А, вот! Его обвинили в попытке разгласить секретную информацию. Интересно, что за информацию он хотел разгласить? Не о вашей ли «Каталине»?

У Андрея дрогнул подбородок. Вот оно! Вот ради чего он ушел из бизнеса. Ради этого сумасшедшего азарта поиска истины, с которым не сравнится ни азарт биржи, ни азарт казино.

– Что произошло дальше с этим Мартинесом? – нетерпеливо выпалил Андрей.

Госсе двигал мышку короткими резкими движениями.

– Его выпустили из тюрьмы, но из разведки уволили. Понятно. Обычное соглашение.

– Что за соглашение? – не понял Андрей.

– Видимо, речь идет о какой-то скандальной ситуации. Или о нервном срыве офицера. В этом случае офицера выпускают из тюрьмы, а он дает подписку о неразглашении сведений. Обычное дело.

– Не для разведки.

– Что? – не понял Госсе.

– Я говорю, это обычное дело, но не для разведки. – В голосе Андрея прозвучал металл твердой уверенности. – В разведке предпочитают более серьезные гарантии того, что секретная информация не будет разглашена, чем подписка о

неразглашении.

Госсе ничего не ответил, но его пальцы забегали по клавишам еще быстрее. Через несколько секунд он издал странный горловой звук и развернулся к Андрею.

– Вы правы, Андрэ. – Госсе уважительно смотрел на коллегу. – Вот что значит специалист в своей области. Вы совершенно правы. И в данном случае разведка эти более серьезные гарантии получила.

– О чем вы говорите, Поль?

– Жильбер Мартинес скончался двадцать первого апреля.

Андрей на мгновение замер и понимающе кивнул.

– Разумеется, от сердечного приступа.

– Не угадали. От кровоизлияния в мозг.

– Интересно. – Андрей поднялся и прошелся по комнате. – Очень интересно. Не кажется ли вам, Поль, что мы воткнули палку в муравейник?

– В огромный муравейник, – улыбнулся Госсе, но его улыбка была нервной и оттого кривой. – Я бы сказал, в муравейник-небоскреб. И это меня очень возбуждает. Мне кажется, я влюбился в вашу мадемуазель «Каталину» и готов сделать ей предложение.

– Чтобы сделать ей предложение, – рассмеялся Андрей, – вам сначала придется ее отыскать. Потому что пока вместо «Каталины» мы имеем пожелтевший документ и трупы двух агентов службы общей разведки, которые, вполне возможно, не имеют к этой операции никакого отношения.

– Имеют, – отрезал Госсе. – Я уверен, что имеют. А у меня, знаете... Интуиция... Она меня никогда не подводит. Мы на верном пути.

– Вы можете найти мне фотографии этих агентов?

– Не знаю. Но попробовать можно.

Госсе вновь защелкал мышкой.

– Знакомьтесь! – провозгласил он через несколько минут. – Мсье Пьер Матин.

С экрана компьютера на Андрея смотрело вытянутое лицо потомственного аристократа. Тонкие черты чувственно-го лица, пронзительные голубые глаза, чуть выдающиеся под кожей скулы.

– Хорош! – усмехнулся Андрей. – В вашей разведке все агенты такие?

– Какие такие? – не понял Госсе, но тут же сообразил и улыбнулся. – Вы имеете в виду аристократическую внешность? Это ни о чем не говорит и не должно вас обманывать, Андрэ. Этот тип с равной вероятностью может оказаться как вдумчивым аналитиком, так и жестоким убийцей.

– Вы правы, Поль, – согласился Андрей. – А что с фотографией Жильбера Мартинеса?

– С этим господином сложнее. – Госсе молотил пальцами по буквам клавиатуры с настойчивостью боксера, решившего завершить поединок нокаутом уже в первом раунде. – Его фотографии нет нигде. Ноль. Сейчас... Сейчас я попробую по каталогу имен...

В последующие несколько минут француз что-то бормотал, двигал мышку, оттягивал ворот свитера и кусал губы. Андрей смотрел на него и пытался привести мысли в порядок. Неужели они действительно разворошили какой-то муравейник? В отношениях с разведкой такая вольность может дорого стоить. Эти джентльмены не церемонятся. Ни в одной стране мира. Что же делать? Остановить этого увлекающегося француза, извиниться и махнуть рукой на «Каталину»? Нет. Он никогда не поверит в то, что через семьдесят лет с операции не снят гриф «секретно». Проще поверить в ошибку чиновника, загнавшего документацию об этой операции в какой-нибудь дальний архив. Если это так, то извлечь ее оттуда будет непросто. Но не опасно.

– Нет! – Госсе откинулся на спинку кресла. – Хоть режьте меня, но фотографии второго господина нет нигде. Как вы думаете, Андрэ, может быть, фотографии офицеров, уходящих в отставку, удаляются из общей базы?

– Или переносятся в секретный раздел?

– Вы намекаете на то, что фотографии Мартинеса засекречены?

Андрей улыбнулся.

– Я не намекаю, Поль. Я говорю об этом прямо. И все, что мне остается, – это просить вас поискать родственников этого Мартинеса?

– Родственников? – Госсе с интересом взглянул на Андрея. – Зачем?

– У них как минимум можно раздобыть его фотографию.

Госсе кивнул и повернулся к экрану. Андрей отошел к окну. Если документы об операции «Каталина» были засекречены по ошибке, то почему ни в одном каталоге нет фотографии Мартинеса? А кто сказал, что офицер Мартинес имеет какое-то отношение к этой операции? Это всего лишь предположение, к тому же построенное на весьма сомнительной основе.

– Вот. – Госсе нажал кнопку, и по экрану побежали строчки анкеты. – Жильбер Мартинес жил в доме 26 по улице Мюрело. Он был женат на Виолетте Мартинес, урожденной Блер. В тридцатом году у него родилась дочь Катрин, в тридцать пятом – сын Мишель.

Андрей вздохнул.

– Сейчас этому Мишелю семьдесят лет. А дочери – семьдесят пять. Будем надеяться, что хоть кто-нибудь из них жив.

– Французы живут долго, – улыбнулся Госсе. – Хотя я вообще не уверен, что потомки мсье Мартинеса не продали дом своих предков и не перебрались из Парижа куда-нибудь на природу. К морю. Французы любят жить у моря. Но не печальтесь, Андрэ! – вскричал Госсе, заметив глубокую складку, которая пролегла между бровями Андрея. – Найдем мы этих Мартинесов. Служба информации работает у нас отлично. Знаете что, вы займитесь ими, а я попробую поговорить с начальством.

– О чем?

– О вашем запросе. В конце концов, вы представили мне официальный запрос Института военной истории России, и мы обязаны дать вам официальный ответ. Если я буду убедителен, а начальство благосклонно, может быть, мне удастся добыть разрешение на вход в секретные каталоги.

Андрей поднялся и протянул французу руку.

– Спасибо вам, Поль. Я позвоню вечером и сообщу о своих успехах.

– Счастливо, Андрэ! Улица Мюрело – это север Парижа. Район парка Монсо. Впрочем, вы все равно поедете на такси.

– Конечно.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Андрей пошел к выходу. Поль Госсе задумчиво смотрел ему вслед.

– Лиза! Лиза!

Лиза подняла голову.

– Лиза, ты меня не слышишь.

Лиза кивнула.

– Прости, Жюль, я отвлеклась.

Жюль Перно шумно захлопнул папку с эскизами и не менее шумно отхлебнул пиво из стоящего перед ним бокала.

– Да, ты отвлеклась. Но не от нашей беседы. Это я своими эскизами отвлек тебя от твоих важных мыслей. Прости, что помешал!

– Не обижайся, Жюль. Я слышала все, о чем ты говорил.

– И о чем же я говорил?

Лиза с улыбкой взглянула на разбушевавшегося художника и окончательно сбросила с себя оцепенение.

– О том, что завтра решающий день. О том, что надо еще раз пересмотреть все модели и внести последние исправления. О том, что у нас мало времени.

– У нас действительно мало времени, Лиза.

Действительно, мало. Жюль прав. Она должна отвлечься от мыслей об исчезновении деда и заняться своей коллекцией. Завтра показ. Завтра решится все. Завтра весь мир поймет, кто такая Лиза Вальдман – обычная бездарность или классный модельер мирового уровня. Но как отвлечься?

Ведь такое происходит только в детективах. Человек заходит в купе и исчезает. Да, еще и в цирке так бывает. На выступлениях фокусников. Но в цирке все понятно. Красавица-ассистентка исчезает через люк в полу. В детективе тоже все решается. Автор придумывает головоломную комбинацию, в результате которой на запястьях преступника защелкиваются наручники. А как такое возможно в жизни?

Лиза взглянула на молчащего Перно. У того на лице появилось выражение безнадежности.

– Жюль, я не думаю, что мы должны еще что-то исправлять. Мы молодцы. Отлично потрудились. Коллекция готова. Все модели проверены и подогнаны. А проверять еще и еще раз... Знаешь, говорят, что перед смертью не надеешься. Так что давай отдохнем.

Жюль потянулся к бокалу, но застыл, так и не донеся до него руку.

– Это не ты говоришь! Не ты! Три месяца назад мы готовили коллекцию для показа в Лондоне. Обычного, рядового показа. Вспомни, что ты делала в ночь перед показом! Забыла?

– Нет, конечно, – улыбнулась Лиза.

– «Нет, конечно», – беззлобно передразнил Перно. – Ползала на коленях перед манекеном и укорачивала юбку. Вдруг ты решила, что в варианте «миди» она будет смотреться лучше. И, кстати, именно тот костюм был признан лучшим. А сегодня, накануне показа, от которого зависит все, ты реши-

ла отдыхать.

– Да. Потому что к тому показу в Лондоне мы не готовились полгода.

– Ерунда. – Перно схватил бокал, и пиво плеснуло на столешницу. – Просто тогда ты думала о работе, а сейчас ты думаешь о том, что тебе внушили в Иерусалиме. После этой поездки ты словно потеряла разум. Что с тобой там сделали? Убедили вступить во Всемирную сионистскую организацию? Или записали в кружок борьбы со всеобщим террором?

– Не говори глупостей, Жюль!

– Я говорю глупости? – Перно поперхнулся пивом. – За две недели до показа, в разгар работы над коллекцией, ты улетаешь в Иерусалим на встречу с каким-то старикашкой, которого, как ты утверждаешь, никогда не видела. Возвращаешься сама не своя, забываешь о коллекции, думаешь непонятно о чем, рисуешь на всех листах бумаги какие-то гробы на колесах...

– Это железнодорожные вагоны, – улыбнулась Лиза.

– Прости, но я всегда знал, что ты боишься летать. Теперь у тебя и железная дорога ассоциируется с гробами? Это тебя на Святой земле так напугали?

– Жюль, – Лиза обняла художника и чмокнула его в лоб, – я тебя обожаю.

– А уж как я тебя! Со всеми твоими родственниками и поездками. Может быть, ты все-таки отвлечешься от своих

мыслей и мы поработаем?

– Конечно! – кивнула Лиза. – Только сейчас мне надо ехать.

– Ехать? – Перно хищно прищурился. – Надеюсь, не в Иерусалим?

– Нет. На бульвар Сен-Жермен.

– Тебя вызвали в министерство обороны?

– Нет, – рассмеялась Лиза. – Мне надо в управление Восточного экспресса.

Перно отодвинул кружку и уставился на Лизу взглядом голодного удава.

– Восточный экспресс. Конечно! Вот с чем связаны гробы на колесах. Все ясно! Надеюсь, ты уезжаешь в Стамбул не сегодня?

– Я вообще никуда не уезжаю, Жюль. Я же не сошла с ума – уезжать, когда мой триумф так близок. И не будь таким мрачным. Завтра мы с тобой заткнем за пояс всех. Ты это знаешь не хуже меня.

Перно пожал плечами.

– Что ты собираешься делать в этом управлении? – осторожно спросил он. – И почему бы тебе не поехать туда послезавтра?

– Потому что я уже договорилась на сегодня, – объяснила Лиза. – Мне нужно собрать сведения на этого человека. – Лиза ткнула пальцем в лежащую на столе фотографию, которую она получила от Авраама Ашинзона. – И они согла-

сились мне помочь.

Перно поднял фотографию и несколько секунд рассматривал ее.

– Ты собираешь сведения о проводнике?

Лиза вздохнула.

– Ты решила заняться историей железнодорожного мундира? – Перно вложил в вопрос всю отведенную ему иронию.

– Жюль, не строй из себя злюку. – Лиза погладила парня по голове. – Ты же знаешь, это личное.

– Только не говори, что этот проводник – твой брат-близнец, с которым тебя разлучили в детстве.

Лиза рассмеялась.

– Нет, конечно! Судя по фотографии, этому господину сейчас лет сто. Жюль, мне очень надо туда поехать. Понимаешь? Очень!

– Хорошо. – Перно залпом допил пиво и встал. – Я же знаю: когда ты упрешься, тебя не переспорит ни один смертный. Езжай куда хочешь. К неизвестному старичку, к столетнему проводнику. А я все-таки, с твоего позволения, поеду в мастерскую и еще раз просмотрю модели. А ты, когда освободишься от мыслей о гробах на колесах и от идей сионизма, можешь ко мне присоединиться.

– Я приеду часа через два. – Лиза обняла Жюля. – Обещаю тебе.

– Ладно, – согласился Перно, размякая в ее объятиях. – Ничего не случится, если приедешь через три. В конце кон-

цов, завтра мы все равно будем лучше всех.

8

В списке жильцов дома 26 по улице Мюрело Андрей сразу нашел Мишеля Мартинеса. «Отлично, – подумал он. – Мартинесы, похоже, обосновались в этом доме всерьез и надолго». Андрей нажал кнопку у номера 5. В динамике запищало, зашуршало, и Андрей услышал молодой голос.

– Кто там?

– Здравствуйте! – произнес Андрей, стараясь тщательно выговаривать каждое слово. – Могу ли я поговорить с мсье Мишелем Мартинесом?

– Кто вы? По какому делу? – в голосе появились тревожные нотки.

– Я приехал из России. Мне очень нужно встретиться с Мишелем Мартинесом. Вы не могли бы открыть дверь, мсье? И тогда я все объясню.

– Из России? – тревожные нотки зазвучали набатом. – Вы адвокат компании «Белые ночи»?

Слова «Белые ночи» молодой человек произнес по-русски, и они прозвучали как «Бьели ноцчи».

– Нет, – Андрей замотал головой, заметив, что в домофон вмонтирован глаз видеокамеры. – Я не адвокат, я историк. Мне нужно поговорить о мсье Жильбере Мартинесе. Вы знали этого человека? Он жил в этом доме.

– Жильбер Мартинес – это мой дед, – ответил голос го-

раздо более спокойно.

– Дед? – Андрей отступил на шаг от глаза камеры. – А как я могу найти мсье Мишеля Мартинеса?

– Я и есть Мишель Мартинес. Но вам, скорее всего, нужен мой отец. Он тоже Мишель Мартинес. Но он живет за городом. Он переехал восемь лет назад.

«Госсе как в воду глядел, – подумал Андрей. – Чего они все стремятся за город? Тихий район, рядом парк. Живи – не хочу! Так нет, надо ехать в деревню».

– Вы можете войти, мсье, – услышал Андрей голос молодого Мишеля Мартинеса. – Я дам вам адрес отца.

Раздалось характерное жужжание открываемой двери, и Андрей вошел в подъезд.

В управлении Восточного экспресса Лизу направили к сотруднице по имени Петра. «Типичный синий чулок», – подумала Лиза, неприязненно косясь на узкие плотно сжатые губы, белесые глаза, высматривающие что-то в дальнем углу комнаты, и на небрежно разбросанные по плечам темные волосы. Петра была одета в белую блузку со странными узорами, жакет неопределенного цвета и темную юбку, которая плавно переходила в разношенные туфли на небольшом каблучке.

Посетительница тоже явно не понравилась Петре. Она долго не могла понять, для чего этой упрямой расфуфыренной даме понадобилась фамилия проводника, сопровождавшего двенадцатый вагон поезда в апреле 1935 года. Посетительница сидела, элегантно скрестив ноги, и бубнила что-то о дедушке, который ехал в этом вагоне и неожиданно исчез. Петра слушала невнимательно, размышляя над тем, почему некоторые личности считают нормальным навязывать занятым людям свои семейные проблемы. Она была опытной сотрудницей и уже придумала, как отделаться от этой занозы и избежать утомительного копания в пыльных папках архива. Она, конечно, не подаст вида, что возмущена, она запишет фамилию и адрес назойливой просительницы и отправит ее куда подальше, пообещав найти интересующие ее данные. А

там... Может, пропадет у нее желание искать исчезнувшего давным-давно деда.

Но такой вариант посетительницу не устроил. Она заявила, что сведения нужны ей немедленно. Петра хотела было возмутиться. Не хватало еще, чтобы ей, с ее квалификацией и опытом работы, какая-то посетительница диктовала, как нужно работать! Но случайно проскользнувшее упоминание об участии посетительницы в завтрашнем грандиозном открытии Недели высокой моды в корне изменило ее отношение к происходящему. Петра осторожно задала уточняющие вопросы и убедилась, что это не сон. Сидящая напротив нее элегантная молодая дама действительно модельер. И не просто модельер, а автор коллекции, которая будет демонстрироваться завтра в специально перестроенном зале ресторана Larousse сразу после коллекции Миуччи Прада. Вот почему все данные нужны ей так срочно. Ведь завтра времени заниматься домашними проблемами уже не будет. Петра понимающе кивнула. А когда посетительница протянула ей пригласительный билет на это торжество вкуса и изящества, Петра была готова найти ей фамилии всех проводников, сопровождавших все вагоны Восточного экспресса, начиная с первого рейса в 1875 году. Петра вскочила, предложила гостье кофе, получила благожелательный кивок и заметалась, просыпая сахар и расплескивая кипяток. Ей было очень стыдно за свой рабочий жакет и белую блузку с глупыми кружевами. Конечно, нельзя так одеваться! Но она давно

махнула на себя рукой, она привыкла общаться с бумагами и экраном компьютера. Кто же мог подумать, что судьба подарит ей такую удивительную встречу?! Знай она о таком, конечно, надела бы свое любимое сиреневое платье, которое до сих пор она надевала только на свидания.

Петра поставила перед чудо-гостьей чашку кофе и тарелочку с печеньями и умчалась в архив, не выпуская из руки билеты, которые позволят ей вечером сидеть рядом со звездами кино, акулами бизнеса, а может быть, с министрами.

Лиза отпила из чашки немного весьма недурного кофе и откусила кусочек печенья. Напротив нее, на стене, висел плакат, призывающий совершить увлекательное путешествие из Парижа в Стамбул через всю Европу. Лиза едва успела познакомиться со всеми прелестями этой поездки, полюбоваться счастливым лицом красавицы, вкусившей от блюд в вагоне-ресторане и побывавшей на демонстрации фильма в салон-вагоне, как дверь открылась и вернулась Петра. В руках у нее было нечто среднее между небольшой папкой и большой книгой, выцветшее и источавшее характерный запах старины.

– Списки проводников я не нашла, – виновато сказала она. – Но вот отчеты начальника поезда о поездках того периода.

– Отчеты составлялись по каждой поездке? – ужаснулась Лиза.

– Конечно! – Петра развернула книгу-папку на столе. –

Сразу после возвращения в Париж из рейса начальник поезда писал рапорт. Сейчас мы найдем двенадцатое апреля.

Несколько секунд она переворачивала желтые листы, осторожно укладывая каждый из них на предыдущий, и наконец сказала:

– Вот. Двенадцатое апреля. К отчету начальника поезда Валери Фоша приложен рапорт проводника Гастона Анри. Как раз проводника двенадцатого вагона.

Петра подняла на гостью сияющие глаза. Она была счастлива, что выполнила просьбу важной посетительницы, оказавшей лично ей, Петре, столь значительную услугу.

– Вы позволите? – спросила Лиза, едва сдерживая нетерпение.

– Конечно! – Петра развернула книгу-папку к Лизе, обошла стол и встала за спиной чудо-посетительницы, едва удерживаясь, чтобы в приливе чувств не погладить ее по элегантно уложенным рыжим волосам.

Лиза провела рукой по рапорту. Чернила на нем почти выцвели, и в некоторых местах разобрать написанное было нелегко.

«В Потсдаме, – прочла Лиза, – поезд стоял на две минуты больше положенного. В мой вагон поднялись четверо германских полицейских. Как только поезд тронулся, они сказали мне, что я должен опустить штору в своем купе и не выходить в коридор до следующей станции, то есть до Берлина. Они прошли по всем купе вагона и попросили пассажи-

ров о том же – не выходить из купе и опустить шторы на окнах. Когда поезд прибыл в Берлин, полицейские разрешили мне выйти из купе и выполнить свои обязанности по приему пассажиров. Как только поезд тронулся, полицейские еще раз повторили свое требование – опустить шторы и не выходить из купе. Через три минуты поезд внезапно остановился. Судя по звукам за окном, к поезду подъехала машина, затем хлопнула дверь вагона, и поезд вновь тронулся. Примерно через двадцать минут я услышал в коридоре какой-то шум и выглянул за дверь. Полицейские, стоявшие в коридоре, очень резко приказали мне закрыть дверь. За несколько километров до следующей станции Фюрстенвальде поезд вновь остановился. И вновь я слышал звуки подъехавшей к вагону машины. Когда поезд тронулся, в мое купе вошел полицейский и сказал, что я могу поднять штору и выйти. В вагоне дежурили трое полицейских. Через несколько минут поезд остановился в Фюрстенвальде. Как только я открыл дверь вагона, в него вошли несколько полицейских и человек в штатском, предъявившие мне удостоверения службы безопасности. Они прошли в купе номер восемь. Я попытался пойти за ними, но полицейские, дежурившие в коридоре, остановили меня. Когда до отхода поезда осталось пять минут, полицейские попросили всех пассажиров разойтись по купе и освободить коридор, что и было выполнено. Из купе номер восемь полицейские вынесли носилки, на которых лежал мешок из черной клеенки. На мой вопрос, что

произошло, мне ответили, что у одного из офицеров германской таможни внезапно пошла кровь горлом и он скончался. А вся операция, проведенная в вагоне, была направлена на поиск контрабанды. Носилки вынесли из вагона и унесли в здание вокзала в окружении полицейских. Оставшиеся в вагоне полицейские продолжали удерживать всех пассажиров в их купе. За минуту до отхода поезда из купе номер восемь вышли два человека в штатском. Они покинули вагон, а за ними и все полицейские. Купе номер восемь не было опечатано, но пассажира, ехавшего в этом купе, не было. На мой вопрос, куда делся пассажир из восьмого купе, один из людей в штатском ответил: «Не знаю. Наверное, сошел». Это было странно. У этого пассажира был билет до Стамбула, и я не видел, как он выходил из вагона. Больше этот господин в вагоне не появился. Предполагаю, что именно его тело полицейские вынесли на носилках из купе. На ковровом покрытии купе остались темные пятна, которые, возможно, являются пятнами крови.

Гастон Анри, проводник, 12 апреля 1935 года».

– Господи! – сказала Петра. – Это был ваш дедушка? Наверное, он был антифашистом. А эти гады узнали...

– Наверное, – задумчиво произнесла Лиза. – Скажите, Петра, можно найти мне адрес этого Гастона Анри?

– Адрес Анри? – Петра взялась за мышку компьютера. – Это просто. У нас есть каталог, в котором хранятся данные обо всех сотрудниках, когда-либо работавших в компании.

И теперь, когда мы знаем его фамилию... Вот он. Анри Гастон Жан-Поль, 1897 года рождения, проводник, адрес: Компъень, улица Патисе, дом 2. Вы думаете, он жив?

– Скорее всего, нет, – вздохнула Лиза, записала адрес и поднялась. – Ведь ему было бы сейчас сто с лишним. Спасибо вам, Петра!

Петра зарделась и еще раз одернула дурацкий жакет.

– Ну что вы! – выдохнула она. – Не за что. Это вам спасибо за билеты!

– До свидания! – Лиза улыбнулась. – Приходите завтра. Будет интересный показ.

– Обязательно. – Петра протянула руку. – Приду. Можете не сомневаться.

Лиза улыбнулась и пожала протянутую руку.

Андрей вышел из дома и медленно пошел по улице Мюре-ло. Погода испортилась. Небо затянули легкие тучки, начал накрапывать дождь. Андрей поднял воротник плаща, пытаюсь сообразить, куда ему теперь идти. Разговор с Мишелем Мартинесом-младшим не получился. Молодой человек ничего не знал о своем деде Жильбере и был слишком озабочен своими отношениями с компанией «Бъели ноцчи». Из его горячих объяснений Андрей понял, что у компании возникли претензии к качеству товара, который поставил ей из Парижа мсье Мартинес, и компания потребовала вернуть деньги. Мсье Мартинес отверг все претензии и теперь ожидает либо вызова в суд, либо, что гораздо больше беспокоило мсье, пули в голову. Поняв, что Андрей не может сказать ничего определенного по поводу компании «Бъели ноцчи», решимости ее владельцев вернуть выплаченные мсье Мартинесу суммы и нравов современного российского бизнеса, Мишель потерял всякий интерес к беседе, продиктовал адрес отца в деревушке Барбизон и проводил гостя до двери.

Дождь усилился. Андрей остановился под деревом. Появившееся во время разговора с Госсе ощущение, что он совершает ошибку, разворотив муравейник-гигант, не проходило. Предположим, он отправится сейчас в эту деревушку Барбизон и отыщет Мишеля Мартинеса. Знает ли тот, за что

был арестован 16 апреля 1935 года его отец Жильбер? Скорее всего, нет. А если и знает, то имеет ли все это отношение к операции «Каталина», о которой докладывал Артур Артузов Иосифу Сталину? И здесь, очевидно, ответ отрицательный. Не имеет. А если все-таки имеет? Не бывает же таких совпадений. В течение нескольких дней была проведена операция, о которой нет упоминания ни в одном документе, погиб один агент службы общей разведки и арестован другой. Конечно, это не совпадение. Но это значит, что он влезает в какую-то страшную и темную историю. Разведка, которая хочет что-то засекретить, не любит тех, кто сует нос в ее дела.

Дождь усилился и превратился из морозящего в проливной. Прикрывая плащом голову, Андрей перебежал через дорогу и заскочил в телефонную будку. Снял трубку и набрал номер.

Госсе ответил сразу, словно ждал звонка.

– Здравствуйте, Андрэ, – сказал он. – Вам удалось найти Мартинесов?

– Удалось. – Андрей смахнул со лба капли дождя. – Я нашел внука Жильбера Мартинеса, и он дал мне адрес своего отца, который живет в Барбизоне. Я вот думаю, ехать мне туда или нет. А как дела у вас?

– Я говорил с начальством. По операции «Каталина» ничего нет. Ни в одном каталоге. Ни в одном архиве. Даже в секретных.

– Я так и думал, – вырвалось у Андрея.

– Да, но вот что странно. Ничего нет и по гибели Пьера Матина. Обычно в архив поступают рапорты руководителей отделений о том, что произошло. А здесь – ничего. Только сообщение о том, что Матин погиб. – Госссе выдержал паузу, очевидно, ожидая, что Андрей что-то скажет. Но Андрей молчал, и француз продолжил: – Андрэ, я чувствую, гибель Матина связана с операцией «Каталина». Иначе не может быть, Андрэ. Поверьте мне!

И этот туда же. Увлекающийся архивариус. Чувствует он! А чем все это может кончиться, не чувствует? Когда Андрей заканчивал свою первую статью по истории «Красной капеллы», ему организовали встречу с бывшим резидентом ГРУ в Австрии. Сухой старичок с вытянутым морщинистым лицом и застывшим взглядом коротко пожал ему руку и покачал головой. «У вас очень сложная профессия, молодой человек, – сказал он. – Прошлое разведки – такая же тайна, как и настоящее. Боюсь, ваши работы будут страдать поверхностным подходом к проблеме». Андрей вежливо улыбнулся. «Вы, вероятно, считаете, что я преувеличиваю, – продолжил старик. – Юношеский максимализм диктует вам убежденность, что вам удастся лавировать между различными силами. Но вы должны понимать, насколько это опасно. Разведка не терпит тех, кто приближается к ее тайнам. Не говоря уже о тех, кто в них проникает».

Вот именно. Не терпит. А он проник. Нет, пока не про-

ник, но делает все возможное для того, чтобы проникнуть. И думает, что на это не обратят внимание?

Госсе по-своему расценил молчание Андрея.

– Андрэ, я уверен в этом. Матин и Мартинес – части операции «Каталина», – гораздо тише сказал француз и, не дождавшись ответа, добавил: – Вы поедете в Барбизон?

– В Барбизон?

Андрей все еще колебался. Может быть, он заблуждается и нет никакой тайны? Он испугался тени, призрака, мифа. А на самом деле речь идет о какой-то чиновничьей оплошности, из-за которой документы о «Каталине» просто оказались потеряны. Почему бы ему не довести дело до конца? Ведь поездка к сыну Жильбера Мартинеса ничем не грозит. Чего бояться? Он же решил вернуться в науку, чтобы искать истину. И вот готов отступить при первой же трудности. Андрей вспомнил рассказ отца, статью которого о причинах «Пражской весны» раскритиковал сам всемогущий секретарь ЦК Михаил Суслов. «Я должен был написать опровержение на самого себя, – говорил отец, попыхивая своей неизменной трубкой. – Или распрощаться с мечтой о докторской диссертации». – «И что ты выбрал?» – с замиранием сердца спросил двенадцатилетний Андрей. Отец рассмеялся, потрепал его по плечу и вздохнул: «Доктором мне стать так и не удалось. Так что вся надежда на тебя».

Андрей кашлянул. Госсе ждал его ответа, тяжело дыша в трубку.

– Я поеду в Барбизон, – сказал Андрей. – Сейчас вызову такси и поеду.

– Хорошо, Андрэ, – облегченно выдохнул Госсэ. – Тогда вечером я буду ждать вашего звонка. Я чувствую, что у Мартинеса вас ждет что-то необычное.

– Поживем – увидим, – буркнул Андрей и повесил трубку.

Лиза выехала в Компьень рано утром. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Накануне до двух часов ночи ей пришлось провозиться в мастерской. Жюль Перно оказался прав. Переделок было много. Лиза укорачивала юбки, распускала вытачки, отпарывала подкладки и заставляла швей вновь все пришивать. Она придирчиво осматривала модели и вновь бралась за ножницы.

Наконец Лиза окинула взглядом двенадцать манекенов и довольно кивнула. Такую коллекцию не стыдно выставить в зале ресторана Laperoise сразу после коллекции Миуччи Прада. Лиза села на диван, чувствуя, что подняться, сесть в машину и доехать до дома будет непросто. Рядом плюхнулся Жюль Перно.

– Надо ехать, – сказал он.

Лиза кивнула. Перно обнял ее за плечи.

– Завтра поспи подольше. До четырех в Laperoise делать нечего. – Перно выдержал паузу и великодушно добавил: – А ты можешь приехать и к шести.

– Нет, – Лиза замотала головой, – я приеду к четырем. Посмотрю, как девочки будут одеваться.

– Хочешь, я отвезу тебя домой? – предложил Перно.

– А что будет с моей машиной?

– Завтра вызовешь такси и приедешь за ней.

– Нет, – Лиза сделала усилие и встала, – я доеду сама.

Усталость сказалась. На Елисейских Полях огни идущей перед Лизой машины начали расплываться и уходить в сторону. Откуда-то сбоку тревожно засигналили. Резкий звук ворвался в уплывающее сознание и заставил Лизу вскинуть голову. Впереди зажегся красный глаз светофора. Лиза ударила по педали тормоза. «Ситроен» замер в нескольких сантиметрах от бампера роскошного «Мерседеса». Господи! Она чуть не заснула за рулем. Она всегда боялась именно этого. С того момента, как плачущая бабушка протянула к ней руки и сказала: «Твой отец заснул за рулем, Лиза!» Лиза обвела взглядом людей, стоящих вокруг бабушки, и по их скорбному молчанию вдруг поняла все. Бабушка просто не могла выговорить слово «погиб».

Светофор переключился. Лиза осторожно тронула машину с места, включила магнитофон и кондиционер. Ей казалось, что громкая музыка и холод прогонят дремоту. Но глаза все равно слипались. Лиза начала думать о завтрашнем дне, вспомнила о поездке в Иерусалим, об Аврааме Ашинзоне, и тут ей в голову пришла мысль о том, что ехать в Компень надо завтра же. Конечно! К чему терять время? Ведь она получила реальный шанс раскрыть тайну гибели деда. Неужели она будет колебаться? От этих мыслей сон прошел и глаза перестали закрываться сами собой. Правда, рассудительный и мудрый внутренний голос тут же принялся убеждать ее, что родственники проводника Гастона Анри нику-

да не денутся и через неделю, если они, конечно, еще живут в Компьене, но Лиза с этими доводами не согласилась. Внутренний голос принялся перечислять доводы против завтрашней поездки, но Лиза приказала ему замолчать. Внутренний голос не подчинился, заявил, что если она не выспится, то будет выглядеть ужасно на показе. На это ей нашлось что возразить. На показе хорошо должна выглядеть не она, а ее модели. А от того, как она будет выглядеть во время последнего поклона, ничего не зависит. Внутренний голос заметался в поисках доводов, но Лиза громко сказала: «Все!», и внутренний голос ретировался.

Приняв решение, Лиза решила поставить будильник на восемь. Тогда, с учетом утреннего кофе и макияжа, она сможет выехать в половине десятого и в Компьене будет к двенадцати. Час-полтора на беседу, и к четырем она успеет в «Laperouse».

Самым трудным в восемь утра оказалось не заставить себя подняться, а удержаться от того, чтобы не швырнуть будильником в стену. Все дальнейшие действия Лиза совершала с закрытыми глазами. Встала, добрела до ванной, приняла душ, включила кофеварку. И только ткнув в щеку щеточкой для ресниц, открыла глаза окончательно...

...Повинуясь указателю, Лиза свернула направо и въехала в Компьень. Часы показывали половину двенадцатого, и городок жил своей обыденной жизнью. По улицам сновали развозчики овощей с лотками на колесах, в кафе попива-

ли полуденный кофе завсегдатаи. Улица Патиссе оказалась в центре города. Лиза остановила машину у дома номер два и ощутила, что чего-то ей явно недостает. Ах да, утомительного поиска места для стоянки. «Вот преимущество маленького городка», – подумала она, нажимая кнопку домофона рядом с фамилией Анри.

– Войдите, – ответил Лизе женский голос, даже не поинтересовавшись, кто звонит.

Лиза толкнула дверь и вошла в подъезд. Дверь квартиры с табличкой «Мари Анри» оказалась на первом этаже. Лиза протянула руку к звонку, но нажать не успела. Дверь распахнулась. На пороге стояла немолодая женщина в черном платье и с черной косынкой на голове. Заплаканные глаза дополняли облик человека, находящегося в трауре.

– Мадам Анри? – спросила Лиза, чувствуя себя крайне неловко.

Женщина кивнула и отступила в глубь квартиры.

– Проходите, Виолетта, мы вас ждали.

Лиза переступила порог и остановилась.

– Простите, мадам Анри, но я не Виолетта.

– Как? – женщина подняла на нее заплаканные глаза. – Разве вы не дочь тети Франсуазы?

– Увы. – Лиза виновато пожала плечами, чувствуя, что готова провалиться сквозь землю.

– Кто же вы? – В жестком голосе женщины послышались нотки недоверия.

«Кто я? – мелькнуло в голове у Лизы. – И действительно, кто? Человек, потерявший покой и теперь вторгающийся в чужие дома и жизни, чтобы лишить покоя и других? Нет! Я пытаюсь найти истину. А это и есть предназначение человека. Мы должны искать ответы на возникающие вопросы. Мы не можем отмахиваться от очевидного. Только так мы останемся людьми».

– Меня зовут Лиза Вальдман. И я ищу родственников Гастона Анри, который работал проводником Восточного экспресса.

– Я его дочь, – сказала женщина, явно ожидая продолжения объяснений.

– Это вас зовут Мари? – спросила Лиза, пытаясь вернуть доверие собеседницы.

– Нет, – отрезала женщина. – Меня зовут Луиза. А Мари – это моя мать. Она умерла два дня назад. Мы только что вернулись с ее похорон.

Лиза ощутила себя полной дурой. Надо же было приехать сюда в день демонстрации своей коллекции и нарваться на такое! «А теперь еще и вечером будешь выглядеть отвратительно», – подлил масла в огонь внутренний голос.

– Простите, – сказала Лиза. – Мне очень жаль... Примите мои соболезнования.

– Спасибо! – сухо кивнула Луиза. – Но зачем все-таки вы искали родственников моего отца?

– Я бы не хотела говорить об этом сейчас. – Лиза отступи-

ла на шаг. – Может быть, вы позволите мне приехать к вам позже. Через неделю... Когда... – Она сделала неопределенный жест, имея в виду траурное облачение собеседницы.

– Завтра я уезжаю, – все так же недоверчиво и жестко проговорила Луиза. – Я живу в Марселе. Так что если хотите что-то сказать – говорите сейчас.

– Благодарю вас, – кивнула Лиза.

Луиза жестом предложила Лизе пройти за ней. В гостиной на диване и в креслах сидели несколько мужчин в темной одежде. Один из них окликнул Луизу.

– Что случилось, Лу? Кто это?

– Ничего не случилось, Фернандо, – отрезала Луиза тем же жестким тоном, каким говорила и с Лизой. – Мадемуазель пришла ко мне.

Женщины сели друг напротив друга за стол, покрытый темно-синей скатертью.

– Я слушаю вас. – Луиза подняла глаза на Лизу.

Лиза с ужасом поняла, что сказать ей нечего. В голове метались какие-то разрозненные мысли, но ни одна из них не сформировалась в вопрос. Лиза прикрыла глаза ладонью.

– Что с вами? – Голос Луизы Анри звучал по-прежнему сурово, но в глазах мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

«Что со мной? – подумала Лиза. – Откуда эта непонятная неуверенность? Она готова выслушать меня. И другого шанса встретиться с родственниками Анри не будет. Я должна попытаться ей все объяснить».

– Ваш отец был проводником Восточного экспресса, – сказала Лиза.

Луиза кивнула.

– 12 апреля 1935 года в его вагоне ехал мой дед Жан Вальдман. Во время поездки дед исчез. О его судьбе нам до сих пор ничего не известно. Я пытаюсь собрать хоть какие-то сведения о том дне. Вы понимаете?.. Мы хотим хоть что-то знать... Хотя бы найти его могилу...

Лиза замолчала. Ей показалось, что вся ее фраза прозвучала неубедительно и нелепо. Чего она хочет от этой молодой женщины, переживающей смерть матери? Каких сведений? Не может Луиза знать о том, что произошло семьдесят лет назад в вагоне Восточного экспресса.

Готовая извиниться, встать и уйти, Лиза подняла глаза на собеседницу и невольно улыбнулась. Луиза не сводила с нее взгляд, в котором светились понимание и заинтересованность. «Неужели? – мелькнуло в голове Лизы. – Неужели она что-то слышала об этом дне?»

– 12 апреля тридцать пятого года. – Луиза покачала головой, словно не верила в услышанное. – Да, да. Именно эта дата...

– Вы знаете об этой поездке? – Лиза замерла от предчувствия удачи.

– Знаю. – Луиза сложила руки на столе. – Мой отец служил в управлении Восточного экспресса с тридцать третьего по сороковой год. Потом он ушел на фронт, был в Сопро-

тивлении и погиб. В сорок четвертом. Я отца не видела никогда. Я родилась через три месяца после его смерти. Мама рассказывала, что отец был неординарным человеком. Ему очень хотелось оставить о себе какую-то память. После ухода из управления Восточного экспресса отец решил написать книгу, которую он назвал «Записки проводника». Он хотел рассказать о многих известных людях, с которыми он встречался в своих поездках. Знаете, в пути люди расслабляются, забывают об условностях. А отец был хорошим собеседником и наблюдательным человеком. Он подмечал много интересных деталей. Но, к сожалению, закончить свою книгу он не успел.

– И в этой книге упоминается мой дед? – с замиранием сердца спросила Лиза.

– Фамилии вашего деда в рукописи нет. Но поездка, о которой вы говорите, описана довольно подробно. И даже фотографии есть.

Луиза встала. Лиза молчала, боясь спугнуть удачу. Неужели сейчас все выяснится? И сегодняшний день станет днем ее двойного триумфа?

Луиза вернулась в гостиную и положила на стол картонную папку.

– Вот эта рукопись.

Луиза открыла папку. В ней оказалась довольно внушительная пачка пожелтевших листов, исписанных мелким, четким почерком.

– Сейчас я найду. – Луиза зашуршала листами, подняла голову и крикнула: – Фернандо, принеси мне мои очки. Они на этажерке.

Мужчина, который окликнул Луизу в гостиной, выбрался из кресла. Это был высокий человек с широкими покатыми плечами и черными, зачесанными назад волосами. Мягкими шагами крадущегося тигра он пересек гостиную и положил перед Луизой очки в массивной оправе. Луиза нацепила очки на нос, Фернандо остался стоять за ее спиной.

– Так, так, это самое начало, – говорила Луиза, листая рукопись. – Здесь о встрече отца с Леоном Блюмом. Тот тогда еще не был премьер-министром, но уже сколачивал свой «Народный фронт». А вот отец пишет об Андрэ Ситроене. Он ехал в Восточном экспрессе за месяц до своего банкротства. Эта глава называется «Великий промышленник в поисках выхода». Хорошо, правда?

Лиза кивнула.

– Вы хотите издать эту книгу? – спросил Фернандо густым красивым баритоном.

Он смотрел на Лизу светлыми доверчивыми глазами, и Лиза подумала, что обмануть ожидания обладателя этих глаз и есть самый большой грех в мире.

– Я? – растерялась она. – Нет. Я не издатель. Я...

– Фернандо, – Луиза строго взглянула на мужчину, – мадемуазель здесь по совершенно иному делу. Не мешай нам. Фернандо послушно кивнул и замер за спиной Луизы.

– А вот глава, которая вас интересует. – Луиза перевернула страницу и поправила очки. – Она называется «Таинственное происшествие». Очень точно.

Луиза отобрала несколько листов и отложила их в сторону.

– Вот, – сказала она, кладя на листы тяжелую руку. – Здесь все о том дне. Вы хотите это прочесть?

Лиза украдкой бросила взгляд на часы и кивнула.

– Конечно. Вы позволите мне забрать эти листы с собой?

– С собой? – Луиза сняла очки. – А как я их получу обратно? Я ведь уезжаю в Марсель и заберу с собой все, что есть ценного в этой квартире. Квартиру я решила сдавать, а квартирантам ни к чему чужие старые бумаги. Они считают, что от них только пыль.

– Я пришлю вам эти листы сразу, как только прочту. – Лиза заметила искорку недоверия, проскользнувшую в глазах собеседницы, и приложила руку к груди. – Клянусь вам. Вы дадите мне адрес, и я вышлю их заказной почтой.

Луиза сложила очки и взглянула на стоящего над ней Фернандо. Тот молча пожал плечами.

– Хорошо, – Луиза наконец приняла решение, – здесь вам читать действительно будет неудобно. И потом, возможно, вам понадобится сделать какие-нибудь выписки. Я дам вам эти листы, мадемуазель...

– Лиза Вальдман, – подсказала Лиза.

– Но вы должны пообещать мне, что пришлете их в Мар-

сель.

– Я обещаю, – энергично кивнула Лиза.

– Хорошо. – Луиза опять подняла глаза на мужчину: – Фернандо, дай мадемуазель свою визитную карточку.

Фернандо метнулся к дивану, достал из кармана пиджака пухлое портмоне, а из него визитку.

– Здесь наш домашний адрес, – сказала Луиза, взяв визитку у Фернандо и передавая ее Лизе.

– Спасибо! Спасибо вам, Луиза! – Лиза подняла глаза. – И вам, Фернандо!

Луиза кивнула. Фернандо улыбнулся.

– Всего хорошего!

– Фернандо, проводи гостью, – распорядилась Луиза.

В сопровождении медлительного Фернандо Лиза пересекла гостиную. Фернандо открыл входную дверь. Лиза кивнула мужчине и выскочила из квартиры.

Директор Главного управления внутренней безопасности Алан Гравье поднял глаза на шефа аналитического отдела Филиппа Прадля, который заканчивал доклад об активизации молодежных групп исламистов на юге страны. Монотонно, тихо, без эмоций и почти без остановок Прадль зачитывал названия организаций и номера их банковских счетов, сообщал о количестве завербованных бойцов и о поставленных перед ними задачах. Гравье слушал вполуха. В ситуации он разобрался давно и теперь, вертя в руках позолоченный «Паркер», размышлял, докладывать министру внутренних дел Николя Сервелью о том, что в стране возможны волнения, или в нынешней политической ситуации делать этого не стоит. И то, и другое решение имело свои плюсы и минусы. До президентских выборов осталось чуть более полугода. Получив эту информацию, Сервель, несомненно, использует ее в своей борьбе за президентский пост. А усиление министра никак не входило в планы Гравье, который на будущих выборах собирался поддержать нынешнего президента. В том, что Сервель сможет использовать информацию в своих целях, Гравье не сомневался. Причем возможностей у него будет несколько. Либо он с помощью прессы раздует опасность, запугает всю страну и обвинит президента в провале иммиграционной политики, либо, что еще хуже, он

проведет аресты, спровоцирует бунт, сам же его подавит и придет на выборы в ореоле спасителя страны.

Если же Гравье утаит от министра данные, о которых своим нудным тягучим голосом докладывал Филипп Прадль, он, пожалуй, навлечет проблемы на свою голову. Вполне возможно, что в недрах его ведомства тоже созрела измена и Сервель получит доклад через его голову.

«Например, от этого сморчка», – подумал Гравье, бросив неприязненный взгляд на тусклое лицо Прадля. Тогда у министра появится шанс обвинить его, Алана Гравье, в сокрытии важной информации. А от такого обвинения до отставки только один шаг.

Прадль перевернул последнюю страницу доклада и поднял голову. «Надо потянуть время, – подумал Гравье. – Выиграть хотя бы несколько дней. Может быть, удастся что-нибудь придумать. Как минимум переговорить с президентом».

– Это все? – спросил он, положил «Паркер» на стол и сцепил пальцы.

– Все! – Под тяжелым немигающим взглядом шефа Прадль чувствовал себя неуютно и потому добавил: – Дополнительные данные по Марселю и Ницце я жду в ближайшие дни.

– Хорошо, – кивнул Гравье. – Внесите эти данные в доклад, и я пойду с ним к министру.

«Прекрасно, – подумал руководитель службы безопасно-

сти. – Этот сморчок сам себя загнал в ловушку. Теперь эти данные он будет ждать долго. А без них не посмеет принести доклад мне на подпись».

Думать так у Алана Гравье были все основания. Директор марсельского департамента был верным ему человеком, и убедить его потянуть со сбором данных, нужных для доклада, не составляло труда. Гравье повеселел и даже улыбнулся Прадлю, с лица которого, впрочем, не сошла привычная презрительно-кислая мина. Прадль тяжело вздохнул, но не встал, а сложил руки на папке.

– Что-нибудь еще? – спросил Алан, понимая, что этот тип вполне мог приберечь на конец беседы какую-нибудь пакость.

Прадль кивнул.

– Какая-то непонятная активность по «Каталине», – сказал он.

– По чему? – Лицо Гравье скривилось, он физически ощутил, как брови ползут на лоб, а губы растягиваются в недоверчивой улыбке.

– По операции «Каталина», – отчеканил Прадль.

Гравье помолчал, пытаясь понять, о чем идет речь – о какой-то нелепой ошибке или об очередной провокации политических противников.

– Какого рода активность? – спросил он.

– Из России приехал некий историк Андрэ Соколофф, – он произнес фамилию с двумя «ф» в конце и ударением на

первое «о». – Этот Соколофф обратился в Центральный военный архив и запросил все документы об операции «Каталина».

– Откуда этот русский знает об операции?

– Он располагает докладной запиской начальника русской разведки Сталину об операции «Каталина».

– И что он получил в архиве? – мрачно спросил Гравье.

– Разумеется, ничего. – Прадль пожал плечами. – Хотя...

В архиве работает сотрудник, которого зовут Поль Госсе. Он оказывает русскому активную помощь.

– Судя по вашему тону, Филипп, эта помощь оказалась вовсе не безрезультатной.

– Именно так, мсье. – Прадль кивнул. – Они уже вышли на агентов службы внешней разведки Пьера Матина и Жильбера Мартинеса. Более того, этот русский нашел сына Мартинеса, Мишеля, и отправился к нему в Барбизон.

– Сколько дней находится здесь этот русский?

– Сегодня второй день, мсье.

– Неплохо! – Гравье поднялся из-за стола и подошел к окну. – Неплохие показатели для двух дней. Я всегда говорил, что эти русские – шустрые ребята и за ними нужен глаз да глаз. Как же оценивает появление в Париже этого мсье Андрэ ваша аналитическая служба?

Гравье на каблуках повернулся к Прадлю.

– Мы полагаем, что это случайность, мсье. – Прадль вздохнул. – Андрэ Соколофф, как я уже сказал, историк. И

бизнесмен. К нему в руки попал документ, и он решил провести расследование. Обычная научная работа.

– Обычная научная работа, – повторил Гравье и покачал головой.

Он уже почти не сомневался в том, что измена созрела в недрах его ведомства. Это все Сервель. Он решил его сместить. Конечно! Если руководить службой безопасности будет не он, то Сервель получает на выборах шанс. Очень хороший шанс. Но грубо работают. Грубо. Без выдумки. Считают его полным идиотом, если даже не потрудились составить достойную версию. Интересно, кем Сервель хочет заменить его? Не этим ли надутым нудным болваном?

– В руки обычному рядовому российскому историку попадает совершенно секретный документ, – заговорил Гравье, даже не стараясь скрыть иронию. – Хорошо. В это я готов поверить. Этот историк, который к тому же еще и бизнесмен, что само по себе является удивительным сочетанием, приезжает во Францию и здесь за два дня добивается невероятных успехов. И вы называете это случайностью?

Он поднял глаза на Прадль. Тот молчал.

– Вам известно, Филипп, что наша страна ведет борьбу с Россией за влияние на Ближнем Востоке?

Прадль кивнул.

– Вам известно также, – продолжил Гравье, – что, имея одинаково ровные отношения с Израилем и с арабскими странами, наша страна претендует на право стать посредни-

ком в ближневосточном конфликте. Те же претензии есть и у России, которая также поддерживает равные отношения с обеими сторонами. Вы согласны со мной?

Прадль кивнул.

– И в этой обстановке появляется некий русский то ли историк, то ли бизнесмен, который интересуется операцией семидесятилетней давности. Как вы думаете, милый Филипп, как отреагируют израильтяне, если данные об операции «Каталина» будут преданы гласности?

– Плохо отреагируют, – глухо ответил Прадль.

– Плохо, – кивнул Гравье. – Я бы даже сказал, очень плохо отреагируют. И это будет означать, что Франция практически потеряет возможность стать посредником в арабо-израильском конфликте. Ибо нельзя быть посредником, испортив отношения с одной из сторон конфликта. А вот шансы России на посредничество в этом случае резко возрастут. И вы хотите меня уверить, что появление в Париже этого русского – случайность?

Прадль поднял глаза на собеседника.

– Вы считаете, что этого русского надо задержать?

– Задерживать его пока не за что, – усмехнулся Гравье. – Лучше, чтобы русские не знали, что мы раскрыли их замысел. Все равно никаких данных о «Каталине» он не получит. Но если активность будет продолжаться, более того, если она станет чрезмерной, его придется остановить. Вероятно, для этого будет возможно применение такой меры, как задержа-

ние. Но только по конкретному обвинению. И достаточно тяжело. Чтобы было чем с ними торговаться.

– Я вас понял, мсье. – Прадль тяжело поднялся со стула. – Разрешите идти?

Гравье кивнул и вернулся за стол.

– Идите, Филипп. И докладывайте мне обо всех передвижениях этого русского.

– Слушаюсь, мсье!

Бесшумной походкой Прадль пошел к двери. Гравье смотрел ему вслед, постукивая по столу авторучкой.

Выезжая из Компьеня, Лиза решила не притрагиваться к пожелтевшим листам рукописи Гастона Анри до самого Парижа. «Я еще успею заехать домой, – подумала она. – Переоденусь, приму душ, налью себе чашку кофе и тогда начну читать». Но ее решимости хватило не более чем на десять минут. На первой же бензоколонке Лиза остановила машину и села за столик кафе, захватив с собой пожелтевшие листы. «Силы воли у тебя ни на грош», – шепнул ей внутренний голос. «Плевать!» – ответила ему Лиза. В конце концов, она не закаленный в битвах боец, чтобы обладать железной волей. Она – обычная женщина. Изнеженная. Привыкшая к успеху. И вполне может позволить себе такую слабость: удовлетворять собственное любопытство тогда, когда ей этого хочется.

Лиза развернула рукопись и начала читать. Стиль рукописи был неестественно веселым, даже выпреним. Лиза наскоро просмотрела красочное описание вокзала Сен-Лазар и перешла к рассказу об отходе Восточного экспресса.

«В этот теплый вечер, – писал автор, – пропитанный ароматами цветов («Где он нашел на перроне ароматы цветов?» – подумала Лиза), на перроне были и элегантные господа, и модно одетые дамы, и крепкие ребята спортивного вида, и даже известный музыкант, уезжающий на гастроли. Из-за этого музыканта едва не задержали наше отправление.

Он никак не мог погрузить в свое купе бесчисленное количество чемоданов, пакетов, ящиков с реквизитом и виолончель в старинном футляре на колесиках. Его провожали какие-то поклонники и поклонницы, которые не столько помогали носить вещи, сколько просили автографы, фотографировались с кумиром и только осложняли погрузку. Особенно музыкант суетился вокруг своей виолончели, по его словам, чрезвычайно дорогой. Эту виолончель внесли в вагон с величайшими предосторожностями, и сам музыкант, сбежав от поклонников, дотащил инструмент до купе. Кстати, и в Меце, где этот музыкант выходил, он доставил мне не меньше хлопот. Его встречало человек десять, которые бежали как болванчики взад-вперед, вытаскивая вещи и бесценную виолончель.

Еще хуже обстояло дело с каким-то важным господином, вероятно одним из директоров заводов “Рено”. Вертя в руках тросточку с позолоченным набалдашником, он заявил мне, что ждет документы и не позволит поезду отправиться в путь, пока документы не будут ему доставлены. Я заметил, что существует расписание и соблюдать его – наша обязанность, но на господина с тросточкой это не произвело никакого впечатления. Он заявил, что его документы дороже не только нашего расписания, но и всего нашего поезда вместе с паровозом, запасом угля и всеми работниками в придачу. Замечание было, согласитесь, весьма хамским, но я предпочел промолчать и оставить этот спор для начальника поезда.

К счастью, задерживать состав не пришлось. Посыльный на мотоцикле, в форме государственного курьера, доставил пакет за четыре минуты до отхода.

Впрочем, не из-за известного виолончелиста и не из-за шишки с тросточкой с заводов “Рено” я рассказываю об этом дне в своих записках. Я хочу поведать о том, что произошло на территории Германии с господином из восьмого купе. Этот господин вошел в вагон тихо и незаметно. Его провожал франтоватый молодой человек («Ашинзон», – поняла Лиза и удивилась. Надо же. Тогда он выглядел франтом), который стоял на перроне до самого отхода поезда. Мы тронулись, молодой человек шел по перрону почти до самого конца и махал рукой пассажиру. Через четверть часа господин из восьмого купе попросил чай. Когда с подносом в руках я вошел в купе, господин сосал свою трубку с прямым мундштуком и просматривал какие-то бумаги. Я поставил на стол стакан с чаем и тарелку с печеньем. Он поднял голову и сказал: “Спасибо, мсье!” Это был стройный и подтянутый молодой человек. Роста он был среднего, сложения худощавого, с хорошей спортивной фигурой.

Пока мы ехали по территории Франции, поездка ничем не отличалась от многих других. Разве что перед границей состав едва тащился и – небывалый случай – подъехал к пограничному переезду на двадцать две минуты позже расписания. Впрочем, на следующий день, уже на территории Германии, отставание мы сократили, а на подъезде к Потсдаму

полностью вошли в график.

В Потсдаме и началась история, о которой я хочу рассказать. На станции в поезд поднялись пять германских полицейских...»

На следующих шести страницах рукописи автор добросовестно описал события, о которых Лиза уже знала из его же рапорта, найденного в управлении Восточного экспресса. Тем не менее Лиза внимательно прочла текст, еще раз удивилась странным действиям германской полиции, перевернула страницу и перешла к заключительной части рассказа.

«Все пассажиры вагона понимали, что соприкоснулись с какой-то тайной. Страшной и зловещей. Угнетало то, что в вагоне практически на наших глазах скончался или был убит человек. Угнетали и воспоминания о германских полицейских – наглых и бесцеремонных. Возможно, это даже была не полиция, а служба безопасности, СД или гестапо.

В Стамбуле состав встречал тот самый молодой человек, который провожал в Париже пассажира из восьмого купе. Он очень переживал из-за того, что не приехал его друг, и попросил разрешения осмотреть его купе. Я разрешил ему подняться в вагон. Неожиданно молодой человек почувствовал себя плохо и попросил меня принести стакан воды. Я понял, что он хочет остаться в купе один. Я вышел из купе и видел, как молодой человек соскреб несколько крошек с ковра. Но я ничего не сказал ему. Ведь должен же кто-то прояснить эту ситуацию и понять, за что немцы убили пассажира восьмо-

го купе двенадцатого вагона Восточного экспресса 12 апреля 1935 года».

На этом рукопись заканчивалась. Лиза перевернула последнюю страницу и придвинула к себе чашку. Кофе остыл. Лиза перебрала бумаги и принялась читать все с самого начала. На этот раз она читала медленнее, останавливаясь на фразах, которые считала важными. Дочитав до конца, Лиза взглянула на часы. Они показывали половину третьего. Надо было спешить. Но Лиза поймала себя на мысли, что должна немедленно поговорить с тетей Варденой. «Тетя Вардена никуда не убежит, – заявил ей рассудительный внутренний голос. – Ты сможешь спокойно поговорить с ней завтра утром. А опаздывать на показ собственной коллекции... Такого в истории высокой моды еще не бывало».

«Плевать, – решила Лиза. – Значит, теперь будет!» Она не может ждать. Она срочно должна задать тетке несколько вопросов. Срочно! Иначе от всех переполняющих ее мыслей лопнет голова. Взорвется, а мозг разлетится в разные стороны.

Лиза оставила на столе купюру и пошла к машине. Села за руль, повернула ключ в замке зажигания и еще раз взглянула на часы. «Я не опоздаю, – подумала она. – Если не будет пробок, я успею. Впритык, но успею. Так что все в порядке! И не надо паниковать».

Барбизон оказался вовсе не деревушкой, а маленьким городком, застроенным веселыми домиками с красными черепичными крышами. «Все-таки черепица – это очень красиво, – подумал Андрей, подъезжая к жилым кварталам, лежащим у подножия холма. – Жаль, что у нас строить дома с черепичными крышами стали только сейчас». Такси въехало на узкие улицы. Андрей проследил за смеющимися девушками, идущими по тротуару. Девушки скрылись за углом, Андрей перевел взгляд на степенных посетителей небольшого кафе, над которым висела большая вывеска «Монмартр». Судя по этим картинкам, жители Барбизона жили спокойной размеренной жизнью провинции, но очень гордились своей близостью к столице. Около кафе таксист остановил свою машину и долго выяснял у долговязого официанта, как проехать на улицу Людовика Шестнадцатого. Официант объяснял путано, поминутно вздыхал и говорил: «Ну как же вы не понимаете, мсье». Наконец машина двинулась дальше.

Мишель Мартинес-старший, которого Андрей нашел в саду небольшого домика, оказался настоящим гигантом. Рост за два метра, широченные плечи, выдающиеся скулы и тяжелый подбородок создавали впечатление очень сильного человека. В отличие от своего вялого и медлительного сына, смотрящего на мир с недовольной гримасой из-под полуопу-

ценных век, Мартинес-старший был энергичен, бодр и громогласен. Поняв, что к нему приехал гость из России, Мартинес отбросил мотыгу, отряхнул потрепанные брюки и широким жестом пригласил Андрея войти в дом. В доме он хлопнул гостя по плечу, сказал: «Россия!» – и показал большой палец.

В такси, по дороге в Барбизон, Андрей решил сказать Мишель Мартинесу-старшему всю правду. И об операции «Каталина», и о своих поисках вместе с Госсе хоть каких-то документов, и об информации, которую он нашел о Жильбере Мартинесе. «В конце концов, – подумал Андрей, – мне от него ничего не нужно, кроме фотографии его отца».

Выслушав Андрея, Мишель Мартинес сразу стал серьезным, перестал улыбаться и сковыривать пятна земли с рукава широкой байковой рубахи.

– Об отце я знаю только по рассказам матери, – сказал он. – Она его очень любила, и его смерть стала для мамы тяжелым ударом. Что я могу добавить к тому, что вы уже раскопали о нем, мсье? Увы, но мои сведения об отце очень скудны. Его действительно арестовали 16 апреля тридцать пятого. Но все началось на несколько дней раньше. Отец рассказал матери, что погиб его близкий друг Пьер Матин. Мама пыталась выяснить подробности, но отец сказал только, что была очень важная операция и что-то не сработало. Он сказал, что обязательно должен разобраться, что именно не сработало, и понять, кто виноват в гибели Пьера. А потом

отца арестовали. Он провел в тюрьме четыре дня. Двадцатого вечером его выпустили. Отец вернулся домой. Матери дома не было. Она уехала в Нант. Мама была актрисой и часто ездила на гастроли. А нас с сестрой оставляла у бабушки. Отец позвонил маме и сказал, что у него все в порядке и он уже дома. Она спросила, все ли неприятности позади. Он ответил: «Все нормально, но будет лучше, если мы переедем в какой-нибудь небольшой городок подальше от Парижа». У мамы с Парижем была связана вся жизнь, но ради отца она согласилась на переезд. Она стала расспрашивать отца, что же случилось. Он сказал: «Вернешься, поговорим». А на следующий день он скончался.

– От кровоизлияния в мозг? – спросил Андрей.

– Такой диагноз записали в истории болезни. Но мама не поверила. Она не сомневалась, что отца убили.

Нижняя челюсть гиганта дрогнула, и на ресницах повисли слезы. «Все крупные и сильные мужчины сентиментальны, – подумал Андрей. – Интересно, почему? Может, они чувствуют в себе силу помочь попавшим в беду людям, но не могут сделать это, оттого что их нет в этом мире?»

– Почему ваша мама полагала, что ваш отец был убит?

– Потому что... – начал Мартинес, замолчал, встал и вышел в соседнюю комнату.

Несколько секунд Андрей сидел молча. Наконец Мартинес вернулся. У него в руке был небольшой клочок желтой бумаги.

– Вот, – сказал он и положил бумагу на стол.

– Что это? – спросил Андрей, не отводя глаз от толстых пальцев Мартинеса, прижимавших бумагу к полированной столешнице.

– Записка, которую отец смог переправить нам в первый день своего заключения. Я не знаю, как он это сделал. Я даже не знаю, кто принес эту записку. Мама говорила, что в дверь кто-то постучал. Она открыла, но за дверью никого не было. А в почтовом ящике она нашла эту записку. Почерк отца она, конечно, узнала.

Андрей склонился над запиской, пытаясь разобрать слова.

– «Нас предали свои. Пьера отправили на верную смерть. У него не было ни одного шанса. Я не собираюсь молчать. Я не прощу им Пьера. Прощай! Береги детей!»

Андрей поднял глаза. По щеке Мартинеса ползла слезинка. Заметив взгляд Андрея, он смахнул слезинку и потянулся за запиской, но Андрей не выпустил ее из пальцев.

– Вы хотите забрать письмо? – встревожился Мартинес. – Но это все, что у меня осталось от отца.

Андрей молча смотрел на него. Вероятно, в его взгляде было столько мольбы, что гигант вздохнул.

– Она вам очень нужна?

Андрей кивнул.

– Я понимаю! – Мартинесу наконец удалось взять драгоценную записку со стола. – Вы же из-за этого прибыли из России. Я понимаю.

– Я вам ее обязательно верну, – пообещал Андрей.

Мартинес молча перечитал записку. Андрей решил, что должен успокоить гиганта.

– Я пришлю вам ее по почте, когда все кончится. Я ведь хочу выяснить, почему погиб ваш отец. И его друг.

Мартинес разгладил записку своей огромной ладонью.

– Хорошо, – сказал он. – Может быть, вам она действительно нужнее, чем мне. Могу ли я помочь вам еще чем-нибудь?

– У вас есть фотография вашего отца, Мишель?

– Конечно. – Мартинес кивнул. – Вообще-то отец не любил фотографироваться. Люди разведки вообще не любят оставлять свои изображения. Но две фотографии у нас есть. Они не очень хорошо сохранились, но разобрать изображение можно. Сейчас я вам их покажу. Они в альбоме. Сейчас.

Он достал из ящика секретера альбом и, неловко действуя своими толстыми пальцами, вытащил из него две фотографии в старомодных картонных рамках.

– Вот отец. – Мартинес вернулся к столу и ткнул пальцем в снимок.

Со снимка на Андрея смотрел круглолицый черноволосый крепыш с пухлыми губами, тонкими усиками и мясистым подбородком. Он, конечно, любил хорошо поесть, любил женщин и красное вино. Он, несомненно, хорошо вербовал, потому что располагал к себе. Глядя на него, никто бы не подумал, что имеет дело с разведчиком.

– Вы хотите забрать и этот снимок? – догадался Мартинес. Андрей молча развел руками.

– Хорошо, – Мартинес кивнул. – Я надеюсь, вы вернете его вместе с запиской.

Он подвинул фотографию Андрею и проследил, как Андрей укладывает ее во внутренний карман пиджака.

– Я хочу знать, что произошло с моим отцом, – глухо сказал Мартинес, словно пытаясь объяснить собственную створчивость. – Когда-то я пытался наводить справки, но у меня ничего не получилось. Может быть, получится у вас. Но в любом случае знайте: я готов оказать вам любую помощь. Я уже немолодой человек, но я еще крепок, и если вам что-нибудь понадобится, вы всегда можете мне позвонить.

– Спасибо. – Андрей встал и протянул руку. Рукопожатие получилось крепким и искренним.

Лиза ворвалась в комнату тети Вардены как буря, сметающая со своего пути деревья, столбы и скалистые утесы.

– Тетя, ты должна мне помочь!

Тетя Вардена оторвалась от книги, подняла голову и сняла очки.

– Лиза! У тебя сегодня демонстрация коллекции. Почему ты дома?

– Тетя, я успею! – выдохнула Лиза, бросая короткий взгляд на часы и холодея от мысли, что скажет Жюль Перно, когда она все-таки доберется до ресторана Lapergouse. – Ты должна мне помочь.

– В чем? – Тетя Вардена вновь надела очки и подняла глаза на племянницу. – Ты выглядишь очень взволнованной, Лиза. Ты здорова?

– Я здорова, тетя. Но ты скажи – курил ли дедушка Жан трубку?

– Трубку? – Тетя Вардена пожала плечами. Нижняя губа старушки поползла вперед, и ее лицо приняло плаксивое выражение. – Какую трубку? Жан долгое время вообще не курил. Потом пристрастился к сигарам. Но и их он курил очень умеренно. Кто тебе сказал такую глупость про трубку?

– Неважно, тетя! – Лиза опустила на низкий пуфик у ног старушки и взяла ее за руку. – Скажи, подходит ли дедушка

Жан под это определение. – Лиза поднесла к глазам пожелтевшие листы рукописи проводника. – «Это был стройный и подтянутый молодой человек. Роста он был среднего, сложения худощавого, с хорошей спортивной фигурой», – прочла она и подняла глаза на тетку.

Тетя Вардена улыбнулась.

– Жан действительно выглядел очень молодо, – сказала она. – Он был строен. Но вот худощавым я бы его не назвала. Несмотря на регулярные занятия гимнастикой и лаун-теннисом, у него начал появляться животик. Его это очень огорчало. Что касается роста, то Жан был скорее высокого роста, чем среднего. Но это, как ты понимаешь, субъективно. А что это за бумаги, Лиза?

Это не дед, поняла Лиза и ощутила на лбу и щеках холодную испарину. У проводника заказывал чай совсем другой человек. Худощавый. И куривший трубку. Это – не дед. Как это может быть? Куда делся Жан Вальдман сразу после отхода поезда от парижского вокзала? На территории Франции. Когда никаким гестапо и не пахло?

– Лиза! Что с тобой? Что это за бумаги? – встревожилась тетя Вардена.

– Потом расскажу, тетя. – Лиза вскочила, чмокнула тетку в сморщенную щеку. – Я действительно опаздываю.

– Беги, девочка, беги, – тетя кивнула. – Я буду смотреть вашу церемонию по телевизору. Надеюсь, ты выйдешь на подиум с высоко поднятой головой.

Лиза махнула рукой и выскочила из комнаты. Она успела выхватить из шкафа вечернее платье, подхватила под мышку коробку с новыми туфлями и побежала по лестнице вниз.

Выйдя от Мишеля Мартинеса, Андрей достал мобильный телефон и набрал номер Поля Госсе.

– Я нашел фотографию Мартинеса, – сказал Андрей. – И еще кое-что очень важное.

– Важное?! – встревожился Госсе.

– Записку, которую Жильбер Мартинес переправил из тюрьмы своей жене, – выпалил Андрей.

– Отлично! – обрадовался Госсе. – У меня тоже есть новости. Помните, я говорил вам, что любая операция сопровождается перемещением людей и техники. Так вот, 12 апреля из Парижа в Реймс был командирован специалист научно-технической лаборатории службы безопасности Виктор Короман. Туда же, в Реймс, была отправлена передвижная лаборатория службы безопасности...

– Что это за передвижная лаборатория? – спросил Андрей.

– Не знаю. – Госсе вздохнул. – А вот о Викторе Коромане мне кое-что найти удалось. Приезжайте, я покажу вам материалы.

– Хорошо. Сейчас приеду, Поль. Готовьте кофе.

В Париж Андрей решил возвращаться поездом. Железнодорожную станцию он заметил на въезде в Барбизон и не сомневался, что минут за пятнадцать до нее доберется. Андрей

поинтересовался у проходившего мальчишки направлением и бодро зашагал по тротуару. Но пройти он успел только пару кварталов. Из окошка замедлившего ход такси выглянул молодой веселый водитель в форменной тужурке парижского таксиста.

– В Париж, мсье? – то ли вопросительно, то ли утвердительно проговорил он.

Андрей колебался. Забираться в душную машину ему не хотелось. Дойти по вечерней прохладе до станции, подождать поезд, спокойно проанализировать в вагоне, который явно будет наполовину пуст, свой разговор с Мартинесом. Водитель расценил колебания Андрея по-своему.

– Половина цены, – сказал он. – Все равно пустым в город возвращаться.

Андрей ощутил неловкость от своей несговорчивости.

– Хорошо, – кивнул он и открыл заднюю дверцу машины. «Мягкотелый интеллигент», – мелькнуло в голове.

* * *

Молодой человек за рулем оказался балагуром и рассказчиком. В течение первых пятнадцати минут поездки он посвятил Андрея во все перипетии своей личной жизни, смешно копировал коллег по таксомоторному бизнесу, вспомнил десяток историй о пассажирах, забывающих в такси самое дорогое и поверяющих водителю «страшные» тайны. Маши-

на уже давно выбралась из тесных улочек Барбизона и мчалась по шоссе, мимо бескрайних желто-зеленых полей.

Итак, что же он имеет во всей этой истории? Андрей неприязненно покосился на водителя, начинающего очередную историю, в которой фигурировала молодая дама, остановившая его машину как-то ночью.

– Простите, – перебил его Андрей, – мне надо подумать.

Водитель на полуслове прервал свой рассказ и на мгновение обернулся. В его глазах читались обида и удивление. Он не мог поверить, что существуют люди, равнодушные к ночным приключениям водителя парижского такси.

Итак, он имеет какую-то странную и малопонятную ситуацию. Документов по операции «Каталина» нет. Это говорит о том, что либо такой операции не было, либо она засекречена до сих пор. Первое предположение опровергается документом, который он привез из Москвы. Трудно предположить, что Артузов докладывал Сталину непроверенную информацию. Значит, операция строго засекречена через семьдесят лет после ее проведения. Это еще более странное предположение. На такой срок разведки засекречивают имена агентов, но не операции.

С другой стороны, он имеет серьезную активность службы общей разведки в день, когда, по его данным, эта самая «Каталина» проводилась. Один агент погиб, другой был арестован и вскоре скончался. Это, безусловно, указывает на проведение какой-то операции. Почему «какой-то»? В

один день не проводят две операции, если этого не требуют чрезвычайные обстоятельства. Значит, гибель Пьера Матина, какое-то предательство, о котором говорится в записке Жильбера Мартинеса, а теперь еще командировка в Реймс неведомого Виктора Коромана связаны с «Каталиной»? Не факт. Почему он решил, что «Каталина» проводилась именно службой общей разведки? Почему не Главным управлением военной безопасности, не военной разведкой и не Управлением государственной безопасности? Любое из этих ведомств вполне способно провести самостоятельную операцию. Почему Госсе занялся именно службой общей разведки?

Андрей достал мобильный телефон и набрал номер. Услышав голос Андрея, Госсе удивился.

– Где вы, Андрэ? Что случилось?

– Ничего не случилось, Поль. – Андрей заметил в зеркальце пристальный взгляд веселого таксиста. – Я в такси, буду у вас минут через двадцать. Просто я хотел спросить по поводу 12 апреля. Интересовались ли вы активностью в других ведомствах системы безопасности? Или...

– Интересовался, – перебил его Госсе. – Я тоже подумал об этом. Но нет. Не было никакой активности. Только в службе общей разведки. Приезжайте скорее, Андрэ. Здесь интересная штука с Короманом.

Андрей опустил телефон в карман пиджака и усмехнулся. Они с Госсе стали понимать друг друга с полуслова. Значит,

все-таки «Каталина». Загадочная и засекреченная. Хотя почему загадочная?! Андрей едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Как же он сразу не догадался? Как же это не пришло ему в голову еще до встречи с Госсе? Название «Каталина» операции дали в Москве. А в Париже она называлась по-другому. Вот и вся разгадка. Потому никаких упоминаний об операции не оказалось в парижских архивах. Как же он сразу не сообразил? Стыд-то какой! Заблудился в трех соснах. И Госсе хорош! Аналитик! Не додумался до такой простой вещи! Андрей представил себе, как он сообщит о своем прозрении французскому коллеге. Бедняга Госсе. Он будет разочарован. Его так увлекла эта тайна, а тайны-то никакой нет. Просто надо определить, как называли эту операцию французские разведчики, и информация о ней посыпется со всех сторон.

Машина дернулась, двигатель заклокотал, чихнул, взревел и затих. Андрей поднял глаза на водителя. От веселости парня не осталось и следа. Он сосредоточенно давил на педаль, но мотор молчал. Водитель повернул руль, и машина по инерции съехала на обочину.

– Заглохла, – пояснил водитель и вышел из машины.

Андрей видел, как он поднял крышку капота и скрылся под ней. «Вот что значит менять первоначальное решение и поступать против своей воли, – улыбнулся Андрей. – Поехал бы поездом, не было бы никаких проблем». Он тоже вышел из машины и прошелся по мягкой траве. Водитель что-то

крутил в черных пальцах.

– Прокладка порвалась, – сказал он и показал Андрею резиновый квадратик.

«Какая прокладка? – мелькнуло в голове Андрея. – И почему она порвалась во время движения?» О такой проблеме он никогда не слышал.

– Можете сменить? – спросил он.

Водитель кивнул.

– Конечно. Вот только... – Он сосредоточенно перебирал инструменты в большом ящике, который достал из багажника. – Нет подходящей.

Андрей закусил губу. Не хватало, чтобы такой пустяк надолго задержал его по пути к Госсю. Черт его дернул связаться с этим таксистом. Сейчас ехал бы с ветерком на поезде.

– Придется вырезать. – Водитель достал из-под сиденья черный лист резины и подошел к Андрею.

– У вас есть нож?

– Нож? – Андрей оторвался от своих мыслей. – Есть. Перочинный.

Он достал из кармана маленький ножик и протянул его водителю. Водитель покачал головой.

– Не годится. Очень маленький.

Водитель подошел к сплошной линии, отделяющей обочину от шоссе, и поднял руку. Почти сразу около него остановился темно-синий микроавтобус, за рулем которого сидела девушка с длинными волосами, выкрашенными в яр-

ко-красный цвет. Через открытое окно водитель поговорил с красноволосой красоткой и крикнул Андрею:

– Помогите, пожалуйста, мсье!

Андрей подошел ближе. Водитель такси растягивал двумя руками лист резины.

– Помогите отрезать кусок, – попросил он, кивая на микроавтобус.

Девушка изящной рукой в тонкой перчатке протянула Андрею нож с рукояткой из прозрачного пластика. Андрей взял нож и повернулся к водителю.

– Вот здесь. – Водитель ткнул пальцем в резину. – Я пометил мелом.

Андрей осторожно провел острием лезвия по черной поверхности.

– Отлично! – кивнул водитель. – Вот это нож! Режет как по маслу. Смелее, мсье!

Он повернул свою резину другой стороной и протянул Андрею. Андрей еще раз провел блестящим лезвием. В руках водителя остался резиновый квадратик.

– Отлично! – кивнул водитель и полез под капот.

Андрей протянул нож девушке. Та осторожно, двумя пальцами взялась за лезвие и положила нож на сиденье рядом с собой.

– Не порежьтесь, – улыбнулся Андрей.

– Постараюсь. – Девушка тряхнула красной гривой и тронула с места свой микроавтобус.

– Спасибо! – крикнул Андрей вслед.

Водитель сосредоточенно копался в моторе.

– Сядьте, пожалуйста, за руль, – попросил он. – И попытайтесь завести мотор.

Андрей выполнил просьбу, но мотор не завелся.

– Дьявол! – выругался водитель и вновь полез под капот.

«Надо было уехать с этой красноволосой красоткой, – подумал Андрей. – Она на меня смотрела очень даже заинтересованно. Дурак я, дурак. В худшем случае довезла бы до Парижа. А в лучшем – получилось бы прекрасное приключение. В Париже надо соображать быстрее. А то придется вечно стоять на обочине и обозревать задницу водителя такси». Подивившись глубине этой философской мысли, Андрей выбрался из машины. Он подошел к краю обрыва, любовался лежащей внизу долиной, попытался вспомнить название городка, крошечные домики которого виднелись за рекой, и услышал за спиной рев мотора. Андрей обернулся. Водитель сидел за рулем и сосредоточенно давил на педаль газа, заставляя машину захлебываться собственной мощностью.

– Можно ехать! – крикнул водитель, прекратив пытаться мотор. – Все в порядке. Спасибо вам, мсье, и простите за эту задержку.

Андрей вернулся в салон. Водитель уверенно тронул машину с места и влился в поток, направляющийся в сторону Парижа.

Лиза не сомневалась, что Жюль Перно придумает какую-нибудь штуку, чтобы отомстить ей за опоздание. Но то, что произошло у служебного входа в зал Lapergouse, превзошло все ожидания. Охранник мрачно взглянул на Лизу и заявил, что «мадемуазель Вальдман пришла на демонстрацию в четыре часа, как и обещала». А что касается его, то он получил приказ не пропускать всяких самозванок, которые, по мнению мсье Перно, обязательно будут пытаться прорваться на показ. Проговорив этот явно заранее заученный текст, охранник встал в дверной проем, совершенно заслонив его своим огромным телом. Лиза рванула из сумочки удостоверение личности. Но оно не произвело на стража порядка никакого впечатления. Он усмехнулся. Мсье Перно как в воду глядел. Он был уверен, что у самозванки будет липовое удостоверение на имя Лизы Вальдман. Охранник мрачно заметил, что если мадемуазель сейчас же не отойдет от двери, он вызовет полицию и передаст им и саму мадемуазель, и ее липовое удостоверение.

Замысел коварного Перно прояснился полностью. Теперь, чтобы войти в Lapergouse, Лизе придется вызывать его. И этот предатель получит возможность сказать ей все, что он думает о модельерах, опаздывающих на собственные презентации. Не бывать этому! Она, Лиза Вальдман, сама найдет

выход из положения. Лиза обошла ресторан и подошла к центральному входу. Здесь две строгие женщины проверяли билеты у толпой валивших зрителей. Лиза пыталась им объяснить, что это ее коллекция будет демонстрироваться здесь через четверть часа. Билетерши вежливо улыбались, но не верили. Во-первых, все участники демонстрации уже давно приехали, во-вторых, они входили через служебный вход. Понятно, что милая мадемуазель осталась без билета, но это не дает ей права вводить их в заблуждение. Лиза отошла от двери, кусая губы. Неужели придется сдаться на милость Перно? Ни за что! Но как пройти в зал?

От стоянки машин к ресторану шли люди. Сейчас они будут рассматривать ее модели, восхищаться точностью линий, любоваться оттенками ткани. А она будет стоять под окнами ресторана, потому что ни за что не позвонит этому подлому выдумщику Перно. Из принципа. Она, конечно, виновата. Она опоздала. Но придумать такое! Это слишком!

– Здравствуйте, мадемуазель!

Лиза обернулась. Перед ней стояла сияющая Петра. На архивариусе управления Восточного экспресса было черное платье, украшенное страусиными перьями и мехом неведомого животного. Рядом с Петрой стоял круглолицый молодой человек с длинными курчавыми волосами и правильными чертами лица, похожий на изрядно поправившегося Иисуса Христа.

– Позвольте представить вам моего друга, – тараторила

Петра. – Луиджи Риччи. Он из Италии.

– Очень приятно, – кивнула Лиза.

– Луиджи, это мадемуазель Вальдман. – Петра едва не задохнулась от восторга. – Та самая! Я же рассказывала тебе. Помнишь? Модельер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.